

12

ПРОЯВЛЕНИИ УЧИТЕЛЯ

Асель
Айтжанова

12+

Асель Айтжанова

12 проявлений учителя

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Айтжанова А. К.

12 проявлений учителя / А. К. Айтжанова — «ЛитРес:
Самиздат», 2015

Книга написана в форме воспоминания ребенка о двенадцати его предыдущих рождениях, в которых его путь пересекается с великими святыми и учителями Земли в древней Индии, Иудее, средневековой Европе и Азии, а также в странах Нового времени. В чередѣ своих рождений главный герой встречается со своими близкими и возлюбленными и запутывается в круговороте кармы, выпутаться из которой ему помогают советы его учителей. На протяжении всех двенадцати воплощений его ведет один наставник, помогая ему обрести духовное знание и зрелость.

© Айтжанова А. К., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

РЕЦЕНЗИИ	5
Благодарность	9
Предисловие	10
Пролог	12
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	14
Глава 1. СЛУГА КУРТИЗАНКИ. УРОК ВИПРЫ НАРАЯНЫ[9]	15
Глава 2. НИЩИЙ. ИСПЫТАНИЕ ИОВА	32
Глава 3. УБИЙЦА ДУШИ. ЖЕРТВА БУДДЫ	41
Глава 4. ФАРИСЕЙ. УРОК ИИСУСА.	53
Глава 5. ВЕРООТСТУПНИЦА. ПРИМЕР ПОСЛЕДНЕГО ПРОРОКА	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Асель Айтжанова

12 проявлений учителя

РЕЦЕНЗИИ

Его Святейшество Бхакти Бхагаватамрита Кешава Свами

Путь духовного возвышения является естественной потребностью каждого цивилизованного человека, но тем не менее далеко не каждый способен пройти по нему. В этой связи новая книга Асель Айтжановой «Двенадцать проявлений учителя» поистине бесценный дар для любого искреннего путника. Автор книги, на примере реальных историй испытаний идущих к совершенству людей, очень мастерски помогает усвоить важные уроки, необходимые человеку на его духовном пути, и так помогает избежать собственных ошибок и набраться решимости встречать такие испытания достойно.

Помимо множества уроков, которые можно извлечь из описанных в книге примеров, читатель сможет усвоить несколько основополагающих мировоззренческих принципов. Прежде всего, книга дает понимание, что, несмотря на многообразие духовных традиций, в мире существует только одна религия – это любовь к Богу. Второе осознание состоит в том, что духовная жизнь проходит не только во время молитв и богослужений в храмах, мечетях или церквях, но и во всей жизни человека и, прежде всего, в его взаимоотношениях с окружающими людьми и другими живыми существами. Следующее, что станет очевидно читателю, – что приходящие к человеку испытания являются проявлением милости высшего учителя – Бога, помогающего ему развить необходимые качества характера, избавиться от пороков и научиться любить. Поэтому такие испытания важно принимать с открытым сердцем и с преданностью. Ну и последнее, пожалуй, важнейшее осознание состоит в понимании важности искреннего ученичества и доверия Богу. Без этого любой ритуал или служение Богу становится безжизненным и зачастую только ожесточает сердце человека, а не размягчает его.

Я очень благодарен Асель за ее писательский талант и за смелую попытку донести до разрозненного человечества понимание, что Вселенная есть не что иное, как храм Бога, в котором мы все находимся и служим, и что мы гораздо ближе друг к другу, чем о том думаем...

А. С. Тимощук **доктор философских наук, профессор ВлГУ**

Асель Айтжанова известна как эрудированный знаток современных и древних духовных учений, публикующий религиозно-философские монографии, статьи и обзоры. Работа «Двенадцать проявлений учителя» стоит особняком, поскольку написана в стиле научно-популярной беллетристики. Сквозная тема книги – единство человека, духовных практик, жизни, страдания и счастья. Автор преодолевает дуальность «свое – чужое» и как тонкий психолог разворачивает идею гомогенности самонастраивающейся вселенной любви, актуализированной в бесчисленных хронотопах универсума. Книга будет интересна следопытам духа, погруженным в проксемику тотального и локального.

Н. И. Антонова **кандидат философских наук, доцент РАНХиГС**

Оказывается, о религии не обязательно писать скучно, о ней можно писать интересно и увлекательно. В этом нетрудно убедиться, прочитав книгу Асель Айтжановой.

В эпоху «столкновения цивилизаций», в основе которого лежит проблема культурно-религиозных различий, автор книги находит в себе смелость утверждать единство духовного процесса очищения сердца, его независимость от той или иной конфессиональной принадлежности. На страницах произведения, как и в духовной реальности, известные святые различных религиозных традиций мира, проявляя свою сострадательную природу, действуют дружно и согласованно, для того чтобы оказать помощь вставшему на духовный путь неопиту Каништхе. Подкупает искренняя и благородная позиция автора, связанная со стремлением подняться над мирской двойственностью и обусловленностью на уровень глубокого понимания единой природы души. Книга богата событиями и персонажами, поднимает острые вопросы и стремится честно на них ответить.

В. Б. Сокол
доктор философских наук, ТюмГУ

Автор предпринимает художественно-смоделированную, но вместе с тем научно-систематизированную попытку универсализации методологии самоосознания человека. В западной науке подобные религиозно-исследовательские исследования в свое время (конец XIX века) оформились в отдельное направление религиоведения, получившее название психологии религии или пасторской психологии (*pastoral psychology*), изучающей психологически-экзистенциальные закономерности позитивного воздействия священников (духовных учителей) на сознание своих подопечных – искренних искателей Бога. Предметом западной психологии религии оказываются так называемые религиозные чувства, – те самые, которые с незаурядным художественным талантом описывает Асель Айтжанова на примере глубоких духовных переживаний главного героя своей повести – «новичка в духовной жизни», который от «рождения к рождению» путешествует по разным эпохам и религиозным традициям, совершая общий для всех путь эволюции сознания человека. Как указывает сам автор, интерес ее исследования связан с обнаружением «общих проблем», «независимых от вероисповедания».

Похожий интерес побудил европейских ученых, накопивших к середине XIX века огромный этнографический материал, обратить внимание на факт того, что практически все религиозные обряды и состояния сознания в самых различных культурах обнаруживали удивительное сходство. Еще «прародитель» западной психологии религии Ф. Шлейермахер (*Friedrich Schleiermacher*) в своей фундаментальной работе «Психология» (1862) увидел необходимость в самом строгом научном осмыслении некоей «захваченности» религиозного менталитета, связанной с «тайной связи с миром». Психология религии как научная проблема утверждается сначала в Европе, прежде всего в трудах Вильгельма Вундта (*Wilhelm Wundt*), который в 1879 году основал первую в мире лабораторию экспериментальной психологии в Лейпциге, где изучал проблемы «мифологической» психологии самых разных народов. Однако в статусе научно-религиоведческой дисциплины психология религии оформляется уже в трудах американских психологов (в рамках школы Кларка), таких как С. Холл (*Stanley Hall*), Э. Старбек (*Edwin Starbuck*), особенно в работах известного философа У. Джеймса (*William James*), и наиболее интересного для нас основателя пасторской психологии А. Бойзена (*Anton Boisen*). По мнению Бойзена, психические проблемы и религия имеют один общий источник – кризисную ситуацию в жизни личности. При этом в то время, как религия представляет собой «конструктивный», то есть благотворный для личности выход из ситуации «духовной проблемы», – психоз, напротив, является негативной альтернативой, разрушительной для эволюции духовной самости человека. Отсюда вывод Бойзена о важнейшем значении духовного учителя (священника,

куратора) для лечения психических больных. Американский психолог, В. Оутс, призывает к «тщательному исследованию роли религии в предотвращении и лечении душевных заболеваний» и показывает «важность профилактической и терапевтической роли священника в жизни прихожан».

В этом контексте необходимо увидеть новаторскую перспективу исследования А. Айтжановой в переосмыслении «пасторской психологии», которое способно преодолеть ограничения установки психологизма, заложенного в устаревшую методологию западной психологии религии в целом. Как известно, психологизм – это тенденция в западной философии и гуманитарном знании сводить объяснение сущности духовных явлений к функционированию индивидуального или коллективного мышления. Наиболее строго научный психологизм утвердился в логике и математике благодаря философской концепции «логического психологизма» (Дж. С. Милль, Х. Зигварт, К. О. Эрдман). Г. Фреге и Э. Гуссерль подвергли психологизм конструктивной критике в логике и математике, тем самым спровоцировав утверждение антипсихологизма К. Поппера в эпистемологии. В итоге феноменология Гуссерля привнесла в современную западную гносеологию альтернативную методологию самопознания человека, основанную на строгом научном исследовании «одиноким жизни души» (Гуссерль), открывающейся в качестве доступного предмета достоверного познания благодаря феноменологической редукции (преодолению) установки психологического субъекта (платформы ментального мышления, включающего в том числе негативные для духовной жизни отождествления себя с той или иной культурой, религией, семьей и т. д., с которыми героически сражаются персонажи повести Айтжановой).

Автор в своей трехступенчатой духовной эволюции личности (пробуждение души, ложное отречение, жертвенное служение) демонстрирует существенный «следующий шаг» на пути к строгому научному объяснению «универсального закона духовной жизни» (Бойзен), когда установка психологического субъекта в методологии научного познания универсального духовного опыта должна уступить место установке субъекта чистого сознания, достигаемой в особых отношениях «от сознания к сознанию» посредством преодоления индивидуалистической установки психологического мышления (эгоцентризма) в пользу преданности бескорыстному сознанию духовного учителя (священника).

Наконец, весьма актуальная научно-эвристическая проблематика заложена в самом сюжете повести Айтжановой, развивающемся от «рождения к рождению». До сих пор современная западная научная парадигма выталкивает феномен реинкарнации в разряд «пара/псевдонауки», тем самым существенно ограничивая эпистемологический ресурс не только той же психологии религии, но и философской антропологии в целом. Из описания духовно-экзистенциальных перипетий героя повести становится очевидной принципиальная невозможность научного обоснования позитивных трансформаций сознания в рамках одного «воплощения»: подавляющее большинство кризисных ситуаций человека на пути к истине в настоящей жизни является следствием и одновременно способом преодоления множества обстоятельств, поступков и переживаний, след которых теряется в глубинах подсознания, отсылающих нас к опыту, явно не связанному с данным телом и конкретными обстоятельствами его жизни. Исследование Айтжановой в очередной раз доказывает, что западная наука просто обязана вернуться к своим же истокам, заложенным в том числе и в большой степени в трудах Платона (Бертран Рассел), который утверждал идею метампсихоза как основополагающую в рациональном обосновании онтологии личности и как необходимое условие на пути совершенствования от «дольного мира к миру горнему».

М. З. Таргакова

мастер и руководитель филиала образовательного проекта «Психология третьего тысячелетия» в Центральной Азии, психотерапевт

Я очень обрадовалась выходу в свет новой книги Асель Айтжановой «Двенадцать проявлений учителя». Само название как будто пригласило в необычное путешествие в страну души, захотелось познакомиться с этими проявлениями учителя, послушать их мудрость. Предыдущие книги автора обогащали меня глубиной понимания разнообразных духовных путей, в которых автор искала не различия, ведущие порой к отчуждению, гордости, а то общее, что наполняет сердце любовью к Богу и почтением ко всем тем, кто идет к Нему. Новая книга оказалась не просто практическим помощником всем паломникам в этом путешествии, но и интересным путеводителем, знакомящим читателей с искренними людьми, преданными Богу, с разными традициями, а также с искушениями, трудностями и опасностями, встречающимися на духовном пути. Книга читается на одном дыхании буквально с первых страниц, каждая история заставляет задуматься о себе, заглянуть глубже в свое сердце. Захотелось рекомендовать ее читать друзьям и самой перечитывать эти интересные истории. Захотелось также обсудить их с друзьями, чтобы углубить понимание. Встреча с каждым из 12 учителей лично для меня была очень полезной, но не хочу забежать вперед, поскольку читателю только предстоит прожить в своей душе каждую встречу нашего героя. Одно могу сказать точно: жду следующих книг своего любимого автора – не просто писателя, не просто специалиста в области религиоведения, а искренней, пылливой ученицы, идущей дорогой внутренних перемен!

Благодарность

Я выражаю глубокую благодарность своему духовному учителю, Шриле Бхакти Видья Пурна Свами Махараджу, чьи наставления раскрыли единые духовные принципы в многообразии религиозных путей этого мира; чья забота помогла мне ощутить истинное сострадание и бескорыстие духовного наставника; чья мудрость научила меня, что только духовные отношения являются сутью жизни и что их тайна берет свое начало в природе души.

Я выражаю глубокую признательность всем святым, с незапамятных времен озаряющим наш путь светом знания. Во время написания этой книги я чувствовала присутствие и помощь каждой возвышенной личности, которой была посвящена очередная глава. В моменты, когда по той или иной причине я не решалась писать, они вдохновляли меня своим присутствием. Лишь только я села писать о Будде, торговец принес нам арбуз, завернутый в газету, на которой была напечатано огромное изображение Будды. Стоило мне начать писать про Франциска Ассизского, католический епископ по собственной инициативе подошел ко мне и подарил открытку с изображением этого святого. В день, когда я просила Иисуса Христа помочь мне написать о его учении, я неожиданно встретила удивительную христианку, посвятившую всю свою жизнь и душу служению Богу, которая стала моим дорогим другом и проводником. Перед тем как писать о святом Дживе Госвами, я долго просила благословений в его самадхи. И в тот же день ко мне по электронной почте пришла рассылка с отрывком произведения этого великого вайшнава, отвечающим на все мои вопросы. С каждой главой написания книги связана какая-то удивительная история, содержащая ответы возвышенных личностей на мое к ним вопрошание. Время работы над этой книгой превратилось для меня в духовный опыт того, что эти великие святые не исчезли, они живы и продолжают вести каждую душу, искренне обратившуюся к ним за помощью.

Также я всем сердцем благодарю своих друзей, идущих разными путями к одному Верховному Господу, за то, что они открывали мне свое сердце, делились опытом внутренних сражений, открывшимся им духовным пониманием и решимостью идти вперед. Их истории и замечательные качества легли в основу этой книги.

Также я выражаю глубокую благодарность всем, кто способствовал появлению этой книги на свет: Шриле Бхакти Вигьяна Госвами Махараджу, Н. И. Антоновой, С. А. Асташкевичу за советы в работе над содержанием и стилистикой текстов; Шриле Бхагаватамрита Кешава Свами Махараджу, М. З. Таргаковой, А. С. Тимощуку, Н. И. Антоновой, В. Б. Соколу за написание рецензий; А. В. Машниной за редактирование текстов; Т. А. и В. В. Акановым за дизайн обложки; Т. М. Ашимову и Н. Н. Герасимову за спонсорскую поддержку.

Благодаря их квалифицированной помощи эта книга вышла в свет.

С уважением, Асель Айтжанова

Предисловие

Духовный путь не устлан лепестками роз. Биографии известных святых во всех религиях мира свидетельствуют о том, что каждый из них сталкивался с серьезными испытаниями, преодоление которых выводило на более высокий уровень духовной реальности. Таким образом, кризисы – неотъемлемая часть процесса очищения сердца.

Вайшнавские, буддистские, христианские и мусульманские биографии святых показывают, что природа внутреннего конфликта, борьба со своими слабостями и процесс очищения сердца одинаковы для всех людей, независимо от их религиозной принадлежности. Поэтому знакомство с внутренним опытом любых достигших духовной зрелости людей всегда вдохновляет человека, ставшего на путь самоосознания. Святые и духовные наставники с помощью личного примера и проповеди с незапамятных времен помогали практикующим новичкам преодолевать трудности и выходить из кризисов.

Настоящая книга – это попытка в художественной форме описать путь очищения сердца и помощь, которую оказывают на нем великие учителя человечества.

Герой этой книги – новичок в духовной жизни. Начав свой путь к совершенству, он проходит через множество рождений. В каждом из них он должен решить одну из проблем, с которыми сталкивается тот, кто занят духовной практикой. Оказываясь перед лицом очередного испытания, он переживает душевный кризис, из которого помогают выбраться возвышенные представители Бога.

Для того чтобы показать этапы духовного роста, книга разбита на три части. В первой части герой не испытывает особого интереса к духовности и обращается к религии только для решения своих материальных проблем. На этом начальном этапе он ослеплен собственными привязанностями и только начинает приобретать духовный опыт. Поэтому в первом разделе он выступает в основном в роли свидетеля, наблюдающего испытания великих святых: Випры Нараяны, Иова, Будды, Иисуса Христа и пророка Мухаммеда.

Во второй части герой решает осознанно встать на духовный путь. Он узнаёт о душе, о Боге и Его обители. И в его сердце зарождается желание выйти за пределы этого мира и обрести вечное счастье. Однако из-за неопытности герой путает духовное развитие с отречением. Поэтому маятник его ума раскачивается от привязанностей к отречению и обратно. Запутавшись в хитросплетениях кармы, он последовательно меняет четыре роли:

- семьянина-мужчины, мечтающего о монашеской жизни;
- монаха, падающего из-за незрелого отречения;
- женщины, привязанной к отреченному монаху;
- женщины, находящейся замужем за аскетом и страдающей от его искусственного отречения.

В этой части нашему герою помогают преодолеть кризис духовные реформаторы Средневековья: аль-Газали, Франциск Ассизский, Чже Цонкапа и Джива Госвами.

В третьей части герой взрослеет и пытается жить уже не ради себя, а ради миссии. Он берет на себя ответственность за других и сталкивается с теми же ситуациями и проблемами, за которые в предыдущих рождениях критиковал духовных лидеров. Здесь он сражается с более тонкими внутренними врагами: со стремлением к славе, с ожиданием благодарности и признания. Преодолевая кризисы, он опирается на духовную помощь святой Терезы и Шрилы Прабхупады.

Помимо главного героя, от чьего лица ведется повествование, в книге встречается еще несколько постоянных действующих лиц:

- духовный учитель, который направляет его к святым и помогает в трудных ситуациях (бхикшу Риши, шейх Рашид, лама Рэншэн, монах Рошен, Ришабха);

- его близкий друг, который по ходу книги претерпевает внутреннюю трансформацию, переходя от увлечения эзотерическими знаниями к чистой преданности Богу (Сумитр, монах Симоне, знахарка Сумита, подруга Сумитра);

- спутник жизни, с которым наш герой проживает семейную карму (Рами, Рамиз, Райма, Рамис, Романна, Рамачандра);

- кармическое «искушение», с которым он попадает в ловушки плохой кармы (кошка, Дания, Даниэла, Дэнсэн, Даниял, Дэн Брикмен).

Что касается встреч со святыми, здесь книга опирается на художественный вымысел и ни в коем случае не намекает на то, что встречи со всеми великими учителями человечества могли выпасть на долю одного конкретного человека. Книга написана от первого лица для того, чтобы более ясно показать психологические состояния, мотивы, ценности, переживания личности, занятой духовными поисками. Однако это вовсе не означает, что описанные истории являются личным опытом автора. Тем не менее, почти все ситуации и диалоги, содержащиеся в книге, имели место в реальности с живыми людьми, идущими по духовному пути. Все эти произошедшие в наше время события были перенесены в другой культурно-исторический интерьер, поскольку ловушки, в которые попадает человек, не зависят от времени и пространства.

Я долго сомневалась в целесообразности написания этой книги. Поскольку ее тема – внутренние проблемы, «темная сторона» духовного поиска, не самые привлекательные подробности религиозной жизни. Демонстрация слабостей и падений искателя истины может отпугнуть от религии. Человек, который только начал свою духовную практику, как правило, полон радужного оптимизма. Он верит в близость к заветной цели и даже не представляет себе, какие испытания могут его ожидать. Ведь с первого взгляда духовная жизнь кажется очень простой. Созерцая духовные кризисы своих «старших», новичок может усомниться в их искренности. Таким образом, тема взлетов и падений может быть созвучна только тем, кто уже миновал стадию простодушного энтузиазма, но еще не достиг состояния внутренней духовной стабильности.

Поскольку в каждой истинной религии немало последователей, переживающих сложный процесс внутренней борьбы, я все же осмелилась взяться за книгу, от всего сердца надеясь, что знакомство с духовными победами великих святых поможет нам всем выйти победителями из этого сражения.

Пролог

Мне шесть месяцев, и, судя по всему, я мальчик в этом воплощении. Сегодня в нашем доме торжественный день, пришло много гостей. Родители проводят для меня первый благоприятный обряд.

Аромат благовоний смешивается с необычайно вкусными запахами, доносящимися из кухни.

Мама держит меня на руках перед алтарем, на котором среди пестрых цветов я с трудом могу различить золотистые силуэты.

Передо мной на белом покрывале разложили четыре предмета. Все вокруг с любопытством ждут, куда же я поползу и каков будет мой выбор.

За моей спиной раздается низкий голос пожилого мужчины:

– Дорогие гости, сегодня благоприятный с точки зрения астрологии день. Мы проведем для этого маленького мальчика древнюю ведическую церемонию. Согласно Ведам, в первый год жизни каждый ребенок еще частично помнит свои прошлые воплощения. Он помнит о своих стремлениях и ценностях. Поэтому с незапамятных времен в Индии для маленьких детей проводится эта удивительная церемония. Перед ребенком раскладывают четыре предмета, символизирующие варны – профессиональные склонности человека.

– Посмотрите: мы положили перед малышом священную книгу. Если он выберет ее, значит, по своей природе он брахман¹. Маленький лук – оружие воина. Ребенок привлечется им, если по природе он кшатрий². Если же малыш выберет доллар, то он вайшья³, бизнесмен. Ну... а если он возьмет молоточек, тогда перед нами рабочий, шудра⁴. Что же, давайте пустим малыша на покрывало и посмотрим, куда неосознанно он поползет.

«Почему это неосознанно?» – подумал я, оказавшись на покрывале. Я посмотрел на лежащие передо мной предметы и глубоко задумался.

Вчера вечером, готовясь к церемонии, мама взволнованно говорила отцу:

– Куда, скажите мне, пати⁵, запропастилась старая «Бхагавад-гита»?

– А зачем тебе старая? Возьми новую на полке справа.

– Нет, старая была в яркой красной обложке! Врачи утверждают, что красный цвет дети до года воспринимают лучше всего. А новая – сине-серая, такая непривлекательная, что он точно может проползти мимо и выбрать что-нибудь другое.

– Так пусть выберет, что ему понравится, будем знать, как его воспитывать, – добродушно ответил мой отец.

– Мы можем узнать это и позже, когда никого не будет рядом! Но если при гостях он сделает неправильный выбор, то кто-то может подумать, что мы не проводили гарбхадхана-самскару⁶ при его зачатии и родили не брахмана, а неизвестно кого!

– Послушай, дорогая, ты половину беременности переживала, что родится девочка, а не мальчик, и кто-нибудь решит, что вождеделение было у тебя, а не у меня⁷, – пожал плечами мой

¹ Брахман – интеллектуальный человек, принадлежащий к высшему сословию ведической культуры (священники, ученые, учителя).

² Кшатрий – человек, обладающий административными способностями (правитель, воин, менеджер).

³ Вайшья – практичный человек, склонный к торговле и фермерству.

⁴ Шудра – рабочий.

⁵ Пати – традиционное обращение к мужу в ведической культуре.

⁶ Гарбхадхана самскара – религиозная ведическая церемония, которая проводится в день зачатия, чтобы привлечь во чрево женщины благочестивого духовного ребенка.

⁷ Согласно дхарма-шастрам, если в момент зачатия вождеделение сильнее у мужчины, рождается мальчик, а если у женщины

отец. – И вот родился мальчик, как ты и хотела. Все поймут, что ты тут была ни при чем. Но теперь ты снова переживаешь! Какая разница, что о нас подумают? И, в конце концов, если ты так веришь во все эти ведические штучки, то ты не должна сомневаться в разуме ребенка.

– Я верю в них! – с апломбом вскричала моя мать. – Но сомневаюсь. Если бы на все это испытание не смотрело полсотни человек, я бы не беспокоилась так сильно. Но ты сам представь, что подумают о нас люди, если он выберет молоток, к примеру! О ужас! Нет-нет, лучше все заранее предусмотреть!

И все было предусмотрено самым тщательным образом. На белом покрывале лежали: ярко-красная книга, черный лук, невзрачная зеленая бумажка и бледно-серый пластмассовый молоток. Поскольку красная книга находилась прямо передо мной, как любой нормальный ребенок, я должен был подползти к ней в первую очередь.

Но я задумался. Что бы сделал хорасанский аскет Хамдун аль-Кассар⁸, окажись он на моем месте? Чтобы окружающие не замечали его духовные аскезы и не прославляли его за них, он вел себя как последний грешник. Он мочился прилюдно на больших площадях, и люди с презрением кидали в него камнями.

Вспомнив о нем, я обогнул красную книгу и напрямик пополз туда, где в самом дальнем углу лежал пластмассовый молоток. В тишине за моей спиной послышалось шушуканье. Я решительно поднял руку и приготовился схватить молоток.

Но в эту минуту краем глаза заметил полные ужаса глаза матери. Она нервно сжала в кулаке край нарядного сари, которое с такой радостью примеряла сегодня утром. В ее глазах было столько отчаяния, что я остановился и опять призадумался.

Если сейчас я возьму этот молоток, несомненно, моя жизнь будет намного легче и от меня не будут ожидать святости и брахманического поведения. Но что будет с ней? Она так старательно совершала все ведические обряды, высчитывая астрологически благоприятный день для зачатия, проводила обряд гарбхадханы, всю беременность старательно читала мне священные писания и устраивала разные церемонии. Она не стригла волосы и питалась строго по аюрведе. Она так надеялась, что строгое следование предписаниям Вед даст ей хорошего ребенка, который спасет ее и всех ее предков! Если сейчас я схвачу этот молоток, то вся ее вера в Веды рухнет в один миг, и она погрузится в депрессию. Вполне могу понять ее, ведь в своих прошлых жизнях я не раз переживал это состояние...

Вздыхнув, я опустил руку, сменил курс и покорно пополз к красной книге. Я взял ее в руки под громкие и радостные возгласы.

– Поздравляем вас! Вы такие замечательные родители, и Господь послал вам прекрасного сына!

– Он вырастет таким же возвышенным, как Прахлад, и прославит вашу семью!

– Вот что значит образцовые родители!

Взяв меня на руки, мама радостно принимала поздравления. В знак протеста я, следуя примеру хорасанского аскета, попробовал помочиться прилюдно. Но все было предусмотрено: памперс помешал моему позору.

Меня положили на кровать. Родители убежали кормить гостей долгожданным пиром. Мне оставалось только лежать и вспоминать, как я здесь оказался. А эта дорога была такой долгой...

– то девочка.

⁸ Хамдун аль-Кассар (ум. в 884 г.) – аскет, суфий из Хорасана.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОБУЖДЕНИЕ ДУШИ

Как странно, что душа свою родину и те места, где она родилась и выросла, даже не вспоминает. Этот мир, как сон, закрыл ей глаза. Хотя душа обошла столь много городов, она еще не очистилась от пыли их познания.

Джалалуддин Руми

Глава 1. СЛУГА КУРТИЗАНКИ. УРОК ВИПРЫ НАРАЯНЫ⁹

Шри Рангам¹⁰.

Начало Кали-юги¹¹

О том, что женщины иногда думают о своих героях

Многие люди считали Дева Деви воплощением самой иллюзорной энергии – майи. Она была не только божественно красива, но также обладала изощренным авантюристическим типом ума, который позволял ей с легкостью манипулировать всеми людьми, попадавшими в поле ее влияния. Благодаря своим бесчисленным талантам она стала самой известной куртизанкой нашего времени. Даже цари приходили к ее дверям, и, выполняя ее дерзкое условие, снимали короны со своих голов.

Тем теплым весенним вечером, когда природа благоухала ароматом распустившегося жасмина, Дева Деви, очаровательно улыбаясь, начинала свой урок. Как и любая куртизанка, она понимала, что красота ее не будет вечной. А потому благоразумие призывало ее воспитать себе надежных помощниц, которые будут поддерживать ее заведение, когда ее собственные возможности начнут истощаться. Отобрав самых красивых и разумных девочек своей касты, в свободное от работы время она давала им уроки профессионального мастерства.

– Итак, – мелодичным голосом сказала она, помахивая голубым лотосом в своей бело-снежной, раскрашенной хной руке, – сегодня мы будем изучать, как с помощью нашего самого надежного помощника – аханкары¹² – можно сбить с пути истинного любого мужчину. И даже святого! До сегодняшнего дня я учила вас грубым техникам, рассчитанным на чувства: искусству танцев, пения, притираний, но вот сегодня... речь пойдет о самом главном.

Дева Деви насмешливо улыбнулась, обводя собравшихся пристальным взглядом. В конце концов, ее взор остановился на мне:

– Джива, ты все записываешь? – спросила она.

– Да, конечно! – проснувшись, подскочил я, раскрывая глаза как можно шире и изображая усердие и сосредоточенность.

Исполнение обязанностей секретаря и хрониста лучшей из куртизанок – нелегкая и ответственная работа. Впрочем, для меня – парашавы¹³, сына брахмана и шудрани, – невозможно было представить себе более выгодного служения, чем то, которым одарила меня судьба. В силу рождения мне не светили никакие иные перспективы, кроме охоты и воровства. Но, к счастью, благодаря врожденной амбициозности я обучился грамоте у своего отца и искал возможности найти себе теплое местечко. Я всем сердцем завидовал другим сыновьям брахманов, которые имели возможность принимать почтение общества, обучая людей Ведам и поклоняясь божествам. В отличие от них, с рождения я был обречен на бесславную участь. Однако внезапно судьба улыбнулась и мне.

Прекрасная Дева Деви изрядно скучала в своем дворце. Ей до смерти надоели всякие цари, министры и ученые, превращавшиеся в ручных животных в ее ловких руках. Она мечтала о чем-нибудь оригинальном и грандиозном. Ах, если бы она была современницей знаме-

⁹ Випра Нараяна – один из двенадцати главных южноиндийских святых – альваров.

¹⁰ Шри Рангам – остров в Южной Индии, на котором располагается один из самых древних храмов Вишну.

¹¹ Кали-юга – согласно ведическому летоисчислению, эпоха в которой мы живем, начавшаяся в 3102 году до нашей эры.

¹² Аханкара – в ведической психологии элемент тонкого тела, заставляющий сознание отождествлять себя с физическим телом.

¹³ Потомки межкастовых браков в Древней Индии считались низшими из людей и не допускались к престижным в обществе профессиям.

нитого царя Васудевы Кришны¹⁴, известного своим разумом и хитростью! Вот тогда бы ей было чем заняться. Она бы нашла достойный объект для применения своего искусства! Она была уверена, что смогла бы очаровать Его и вытеснить из Его сердца всех легендарных красавиц, вошедших в историю благодаря любви к Нему. Но, увы, бедной девушке не повезло, и она родилась в другие времена. Впрочем, Дева Деви не отчаивалась. Если ей не удалось войти в историю как красавице, оболбившей величайшего героя Бхараты¹⁵, то кто мешает ей сотворить собственную историю? Ей пришел в голову гениальный план: она решила облагодетельствовать человечество великим даром – историей собственного существования. Для этого ей понадобились художник-портретист и писатель-хронист. На роль первого сгодился мой младший брат Сумитр, а на роль второго приняли меня. Так судьба улыбнулась двум потомкам неравного брака. В наши обязанности входило следовать за Дева Деви и увековечивать ее красоту и подвиги для истории. Сумитр писал ее портреты, которые продавались кшатриям и вайшьям за солидные вознаграждения. А я ловил каждое ее слово и записывал на пальмовых листьях.

– Первое, что вы должны запомнить, мои дорогие девочки, – сказала она, артистично соединяя пальцы в гьяна-мудре, – так это то, что мужчины делятся на два типа: на сильных и слабых. И в зависимости от силы их ложного эго мы применяем разные техники влияния. Слабые, неуверенные в себе мужчины предпочитают покорных женщин, смиренно соглашающихся с ними во всем и исполняющих любые их капризы. Для слабого мужчины единственный способ самоутвердиться – это найти себе женщину-служанку. Мужчины, уверенные в себе, с сильным ложным эго, скучают в присутствии покорных женщин. Они хотят преодолевать сопротивление и завоевывать свой объект в нелегкой схватке. Хорошим примером являются отношения знаменитого Кришны с подружками его юности Радхой и Чандравали. Кришна был сильным героем, и потому покорная Чандравали приносила ему меньше радости, чем строптивая Радха. Поэтому, прежде всего мы должны определить силу ложного эго мужчины. Если он слаб и хочет, чтобы женщина тихо шуршала за его спиной, тогда шуршим! – засмеялась Дева Деви и встала со своего роскошного дивана.

С мастерством талантливой актрисы она перевоплотилась в смиренную скромницу и услужливо склонилась перед невидимым собеседником:

– Да, мой господин! Вы правы, мой господин, – потупив глаза, пролепетала она. – Вы самый замечательный, храбрый и умный мужчина в мире, мой господин. Нет никого лучше вас!

Ее ученицы прыснули со смеху, а мы с Сумитром заерзали на своих местах, пытаясь вспомнить, как ведут себя с нами наши дорогие жены.

Нахохотавшись вместе с ученицами, Дева Деви снова уселась на диван и продолжила урок:

– Если же мужчина хочет острых ощущений, мы можем позволять себе шутки, даже колкости, можем менять настроение и являть все многообразие эмоций, но... не забывая при этом питать его уверенность в том, что он самый исключительный мужчина в мире. Это очень важный момент! Чтобы привязать к себе любого мужчину и заставить его плясать под свою дудку, вы должны всегда подпитывать его ложное эго. Любой человек, будь то мужчина или женщина, в глубине сердца уверен в своей удивительной уникальности и жаждет, чтобы все признали это. Лучший способ подчинить своему влиянию человека – постоянно прославлять его. Однако это надо делать с умом.

– Как правильно это делать? – спросила одна из юных учениц.

¹⁴ Кришна – в ведическом монотеизме Личность Бога, воплощавшегося на Земле в царской династии незадолго до начала Кали-юги.

¹⁵ Бхарата – древнее название Земли, а также Индии.

– Каждый видит свою уникальность по-своему. Мы должны вычислить, чем именно гордится стоящий перед нами человек и прославлять его именно за это. Вот почему нам нужно быть внимательными к каждому. Изучив его форму гордости, мы не должны скупиться на похвалы. Вот взгляните, например, на Дживу. – Дева Деви повернулась в мою сторону. – Чем, по-вашему, он тешит свое ложное эго?

Девочки посмотрели на меня, зашушукались и захихикали.

– Он воображает, что чрезвычайно умен, и расстраивается из-за того, что никто не ценит его выдающийся разум, – скорчила скорбную гримасу Дева Деви. – Также он полагает, что является одаренным писателем и произведение обо мне увековечит его талант... А это значит, что лучший способ завоевать доверие Дживы – постоянно славить его интеллект и выдающееся писательское мастерство. Если мы будем делать это регулярно, то Джива будет готов работать на нас даже без вознаграждения!

Я опустил взгляд, а девушки опять рассмеялись. Речи Дева Деви казались им забавными. «Вряд ли мое ложное эго больше, чем у этой тщеславной красавицы», – подумал я, но изобразил вежливую улыбку.

– О чем ты размышляешь, Джива? – спросила меня Дева Деви, от внимательного взгляда которой не могло укрыться ни одно изменение в выражении наших лиц.

– Я? Да так... ни о чем... Я просто подумал, что, к моему счастью, моя жена ничего не знает об этих премудростях и ее слова всегда идут от сердца.

– Не знает? – расхохоталась Дева Деви. – Все женщины на землях ариев владеют этим искусством, иначе они бы были одиноки. Любая мать воспитывает свою дочь, объясняя ей, как подстроиться под ложное эго будущего мужа, как прославлять и вдохновлять его. Разница между добропорядочными замужними женщинами и нами только в том, что они изучают ложное эго одного мужчины, а мы должны уметь быстро определять аханкару многих.

– Значит, все женщины – манипуляторы? – удивился я.

– Все зависимые и лишённые власти вынуждены манипулировать теми, кто сильнее, чтобы достичь своих целей, – пожала плечами Дева Деви.

– Интересно, а что было бы, – задумчиво протянула младшая сестра Дева Деви, – если бы женщины перестали зависеть от мужчин и стали равными с ними?

– Наверное, они бы утратили ведическое искусство воздействия на ложное эго мужчин, – после некоторого раздумья сказала Дева Деви. – А зачем оно им нужно, если всего можно достичь самим? При этом они бы, наверное, остались одиноки. Какой мужчина захочет заботиться о женщине, если она не питает его ложное эго? Хотя... зачем это нужно женщинам? Придется ведь тогда работать за двоих.

Удрученный идеей о том, что моя жена, возможно, не совсем искренне называет меня умнейшим героем Бхараты, я погрузился в раздумья. А одна из учениц Дева Деви напомнила ей:

– Прекрасная госпожа, вы собирались рассказать, как очаровать даже святого.

Дева Деви с кошачьей грациозностью откинулась на подушки и рассмеялась.

– Святого? Святых на самом деле не существует, дитя мое. Есть только люди, которым удается ими казаться. Возможно, они немного религиознее остальных... Но не более.

Краем глаза я заметил, что Сумитр, сидящий слева от меня с кистью в руке, расстроился и опустил голову. Мой младший брат питал некоторое уважение к святым и даже общался с вайшнавами¹⁶. Поэтому утверждения Дева Деви были ему неприятны.

– Их тоже можно поймать в ловушку, – усмехнулась она. – Постепенно. Обычно религиозные люди побаиваются нас. Поэтому начинать нужно с прославления их Бога. Желательно даже показать, что вы истово следуете той же религии, что и они. Ну а потом, когда их бди-

¹⁶ Вайшнавья – последователи ведического монотеизма, поклоняющиеся Богу (Вишну) с любовью и преданностью.

тельность будет усыплена, и они увидят в вас сестру, – улыбаясь, Дева Деви сложила руки в смиренном поклоне, – потом нужно постепенно поставить на место божества их ложное эго и щедро поливать его служением и славословиями. Каждый человек в этом мире, каким бы святым он себя ни выставлял, в глубине души хочет быть Богом. Важно лишь понять, каким Богом он хочет быть. И стать пуджари¹⁷ этого Бога.

Откровенный цинизм Дева Деви расстроил моего брата:

– Дорогая госпожа, – умоляюще возразил он, – это пройдет только с начинающими служителями Бога. Но тот, кто утвердился в своей любви к Нему, вряд ли клюнет на приманку ложного эго.

– Ты думаешь? – насмешливо улыбунулась Дева Деви, обнажая два ряда белоснежных зубов. – А что же тогда эти храмовые пуджари обивают порог моего дома? Что же брахманы приносят свои пожертвования к моим ногам?

– Хотя их положение очень высоко, все же, возможно, они еще не достигли подлинной святости, но вот истинные вайшnavы никогда не променяют Господа на женское общество, – робко возразил Сумитр.

– Да? Ты уверен в этом? – брови Дева Деви иронично поползли вверх. – А давай проверим? Где тут у нас живут святые вайшnavы?

– На острове Шри Рангам, – хором ответили все.

– Тогда, может, прогуляемся туда?

– Я не пойду, милостивая госпожа, – взмолился Сумитр.

– Хорошо, – кивнула Дева Деви, – тебе все расскажет твой брат. Следуй за нашим паланкином, Джива.

Пари Дева Деви.

В сопровождении старшей сестры и десятка слуг, в числе которых плелся и я, Дева Деви отправилась на остров Шри Рангам. В этот сезон остров утопал в благоухающих цветах, создававших атмосферу райской обители. Скрываясь в изумрудной зелени деревьев, птицы сладко оглашали воздух своими трелями. Посреди острова величественно возвышался грандиозный Коил – храм Господа Вишну, возлежащего на змее. Со всех сторон в храм стекались паломники, спешащие выразить свое почтение прекрасному божеству, находящемуся в этом месте с незапамятных времен.

– Здесь мило, – сказала Дева Деви, спрыгивая с паланкина и оглядываясь по сторонам. – Сколько цветов! Нашему садовнику следовало бы поучиться у местного, чтобы наш сад выглядел не хуже... Хм, а вот и садовник.

Навстречу нам шел человек в шафрановом дхоти с корзиной и ножом в руках. Его приятное молодое лицо светилось чистотой, а взгляд больших темных глаз внимательно скользил по кустам с цветами. Он был полностью поглощен сбором цветов и прошел мимо нашей процессии, не обратив на нее никакого внимания.

Рассеяно скользнув взглядом по двум прекрасным сестрам, он пробормотал: «Цветов нет». И отправился дальше.

– Он что – слепой или дурачок? – удивилась Дева Деви, привыкшая к более бурной реакции на свое появление. – Что он имеет в виду, говоря, что здесь нет цветов?

– Это вот как раз один из вайшnavов, о которых говорил сегодня Сумитр, – ответила ей сестра Мадхуравани. – Его зовут Випра Нараяна. Он садовник Божества. Каждый день изготавливает для Него цветочные гирлянды. Его сознание полностью поглощено служением. Говорят, он великий святой и, наверное, поэтому не обратил на тебя внимания.

¹⁷ Пуджари – храмовый служитель, поклоняющийся Божеству.

– Да, видно, он безмерно возгордился от почитания глупцов, – холодно произнесла Дева Деви. – Ну что ж, это даже интересно. Я думаю, мне понадобится девять дней. Да, через девять дней, обещаю, он будет собирать цветы для меня и валяться у моих ног.

– Не советую тебе это делать, – испугалась Мадхуравани. – Вдруг он и в самом деле святой? Если ты будешь обольщать его, это плохо кончится.

– Святых не бывает, – возразила Дева Деви и самой чарующей походкой направилась к Випре Нараяне. Она подошла достаточно близко и с нежной улыбкой стала наблюдать, как он срезает розы. Випра Нараяна, полностью поглощенный служением, не обращал на нее никакого внимания. Впечатленная холодностью садовника, Дева Деви вновь вернулась к нам.

– А чем еще, кроме садоводства, занимается этот огородник? – поинтересовалась она.

– Он поэт, пишет гимны, прославляющие Господа. Его песни очень известны среди вайшнавов.

– Поэт? – задумалась Дева Деви. – Отлично! Джива, подойди сюда, – обратилась она ко мне. – Вот тебе задание: сходи к вайшнавам и разузнай тексты песен Випры Нараяны. Они понадобятся мне для осуществления моих планов.

– Хорошо, госпожа, – покорно склонился я. – Но... вот только... вдруг они не захотят учить меня?

– А ты притворись искателем истины! – пожала плечами Дева Деви. – Ах, ну почему вас всему надо учить? Сходи к вайшнавам, задай пару умных вопросов, изобрази из себя смиренного ученика... Словом, войди в доверие. А потом все и выведаешь. Не трусь, Джива, это не сложно!

Качества истинного знания.

Я вспомнил, что Сумитр часто рассказывал мне о Бхакти-Дхаме – вайшнав-отшельнике, живущем недалеко от Шри Рангама. Мой брат иногда навещал его и всегда превозносил его сострадание и открытость. Поэтому именно к нему я решил отправиться в этот знаменательный день. Бхакти-Дхам жил в простой соломенной хижине на живописном берегу Кавери.

Я нашел его одиноко сидящим на камне с четками в руках. Это был сухощавый старый человек с большой вертикальной тилакой¹⁸ на лбу. Его лицо было благородным и умиротворенным, а небольшие глаза светились чистотой.

Я почтительно склонился перед ним.

– Почтенный господин, меня зовут Джива, – представился я. – Я очень интересуюсь духовными знаниями. Люди говорят, что вы мудрец, обладающий глубокими познаниями. Поэтому я и подумал, может, по вашей милости смогу обрести знание...

– Люди преувеличивают, – пожал плечами Бхакти-Дхам и пристально посмотрел на меня своими пронизательными глазами. – А какое знание ты хочешь получить?

– Какое? – смутился я и почесал затылок, раздумывая, стоит ли мне сразу перейти к делу и попросить его научить меня песням Випры Нараяны.

Но пронизывающий взгляд старика был таким серьезным, что я решил не вызывать его подозрений и порассуждать на духовные темы. Благо, к этому времени у меня накопилось достаточно вопросов и размышлений в этой сфере.

– Истинное знание, конечно. Очень хочется узнать, в чем смысл моей жизни, о, учитель.

– Ты уверен, что на самом деле интересуешься этим? – поднимая брови и слегка улыбаясь, спросил старик.

– Ну да, конечно!

– Что же, хорошо, тогда я беру тебя в процесс обучения, – согласился Бхакти-Дхам. – В Бхагавад-гите Господь Кришна объяснил: цель любого знания заключается в том, чтобы

¹⁸ Тилака – рисунок белой глиной, который наносит на свое тело вайшнав в знак того, что это тело принадлежит Богу.

познать себя как душу, отличную от тела, а также познать Бога и вернуться в обитель Бога, разорвав колесо самсары¹⁹.

– К Богу вернуться... – задумчиво протянул я и выложил свои сомнения: – Это, конечно, хорошо. Но как понять, по какому пути к Нему можно вернуться? В этом мире так много религий! Я слушал разных людей, и каждый из них утверждает, что именно он прав. Как понять, что ты на верном пути, а не попал в лапы какого-нибудь обманщика?

– На этот вопрос Господь тоже ответил в Бхагавад-гите, – улыбнулся Бхакти-Дхам. – Он сказал, что критерием истинного знания являются качества: «смирение, отсутствие тщеславия, отказ от насилия, терпение, простота; обращение к истинному духовному учителю; чистота, постоянство, самодисциплина; отказ от того, что приносит чувственное наслаждение; отсутствие ложного эго; понимание того, что рождение, смерть, старость и болезни – это зло; самоотречение, отсутствие привязанности к детям, жене, дому; невозмутимость в счастье и горе; непоколебимая, безраздельная преданность Мне; стремление жить в уединенном месте, отстраненность от мирских людей, признание важности самоосознания и склонность к философскому поиску Абсолютной Истины – это Я объявляю знанием, а все прочее называю невежеством²⁰». Если в человеке развиваются все эти качества, то он идет по истинному пути. И ты смело можешь идти за ним. А если этих качеств нет, то истинное знание отсутствует. Как видишь, все очень просто.

– Выходит, истину можно найти не в какой-то конкретной религии, а у людей, обладающих всеми этими качествами? – удивился я.

– Выходит, так, – кивнул старик.

– Но почему именно качества являются признаком знания? – недоверчиво спросил я. – Раньше я думал, что знания – это всякие там науки, книги, умные мысли...

– Потому что истинный объект познания – это Бог, Абсолютная Истина. А Его может постичь только человек, развивший в себе качества.

– А почему же так? – по-прежнему недоумевал я. – Мне казалось, что только очень ученый человек может понять Бога.

– Потому что мы не можем постичь Бога собственными усилиями, Он Сам открывает Себя тому, кому захочет. А хочет Он открыть Себя человеку, обладающему качествами. Он Сам обладает лучшими качествами и хочет общаться только с теми, кто развил в себе качества души. Потому Он и сказал в Бхагавад-гите, что истинное знание – это развитие в себе этих качеств. Поэтому, мой дорогой, если ты на самом деле интересуешься Абсолютной Истинной, тебе нужно будет поменять себя.

Поскольку работа над собой никак не входила в мои планы, я решил перевести разговор в другое русло и задал следующий вопрос:

– Хм, но если все дело в качествах, никак не могу взять в толк, зачем Бог создал такое множество религий? Ведь в них очень легко запутаться! Я видел в своей жизни столько разных ритуалов, праздников, поклонений! Если все, что нужно Богу, это развитие духовных качеств, тогда зачем существует это разнообразие путей к Нему?

– Мудрец Карабхаджана в прошлом дал ответ на этот вопрос, – терпеливо ответил мне Бхакти-Дхам. – Он сказал: «Хотя Абсолют один и только один, мудрецы описывают Его по-разному. Поэтому невозможно получить прочные и исчерпывающие знания только от одного учителя»²¹. У живых существ очень много самых разных желаний. Эти желания отражают уровень нашего сознания. Так же, как ученики в школе, мы проходим разные этапы обучения, и на каждом уровне нам требуется объяснение в соответствии со степенью нашей зрелости.

¹⁹ Самсара – бесконечное колесо рождений и смертей.

²⁰ «Бхагавад-гита» (13.8-12).

²¹ Шримад Бхагаватам (11.9.31)

Хотя путь к Абсолюту только один, святые мудрецы в своих учениях показывают различные его ступени. Поэтому каждый человек, на каком бы уровне он ни находился, может найти в этом мире знания, которые помогут ему сделать следующий шаг. Вот в чем причина многообразия. Верховный Господь заботится о каждом.

– Значит, можно идти за любым учителем и обязательно придешь к Богу? – обрадовался я.

– За любым, кто проявляет эти качества, – с улыбкой напомнил старик. – И также по этим качествам ты можешь проверить себя. Если они развиваются в твоём сердце, то ты двигаешься в верном направлении.

– Как, оказывается, все легко и просто! – восхитился я. – Можно сказать, что до Абсолютной Истины рукой подать!

– Осталось только понять, что представляют собой эти качества, и увидеть их в действии, – усмехнулся старик.

– А вот это, я думаю, уже совсем не сложно! Раз вы взяли меня в процесс обучения, – пошутил я. – Если вы благословите меня, я без труда смогу разобраться в них и понять, как они проявляются.

– Я буду молиться Господу от всего сердца, чтобы Он послал тебе людей, обладающих этими качествами, и помог осознать их, – смиренно согласился Бхакти-Дхам. – Но ты должен быть внимателен. Господь никогда не оставляет без ответа просьбы Своих слуг о духовном развитии. С этой минуты ты будешь встречать Его представителей. Постарайся заметить и перенять их качества.

– Что ж, спасибо! Постараюсь. Не зря я пришел поучиться у вас!

– Надеюсь, что не зря, – задумчиво сказал Бхакти-Дхам. – У тебя есть еще какие-то вопросы?

Тут я вспомнил о поручении своей госпожи, которое совсем вылетело из моей головы, и сказал:

– Я много слышал о славе местных поэтов. Говорят, стихи Випры Нараяны самые красивые. Не могли бы вы научить меня им?

– Стихи, прославляющие Господа, самые прекрасные, – склонив голову, согласился он. – Конечно, я с удовольствием познакомлю тебя с ними.

...Напоследок Бхакти-Дхам угостил меня сладкими расагулами. Я не очень любил сладости и хотел отказаться от них, но вовремя вспомнил слова брата о том, что старик никогда не отпускает своих посетителей, пока те не отведают освященной Богом пищи. Я покорно проглотил сладкий шарик и спешно направился к своей госпоже.

Ловушка для святого.

Дева Деви обладала хорошей памятью и запомнила гимны Випры Нараяны с первого раза.

– Очень хорошо, Джива, – похвалила она меня. – Ты справился с поручением. А теперь получай следующее. Сегодня я отправлюсь на остров и пробуду на нем какое-то время. Ты должен будешь спрятаться там и изредка подходить ко мне, когда никто не видит. Будешь все записывать. Возможно, мне что-нибудь понадобится. И еще будешь передавать от меня новости моей семье.

Она сняла свои роскошные наряды и оделась как отшельница. Украсив свое тело тилаками и сияя невинной чистотой, Дева Деви с виной в руках пришла в сад Шри Рангама. Она уселась на некотором расстоянии от хижины Випры Нараяны и глубоким, исполненным страстной любви голосом запела гимны, сочиненные им. Искусно играя на вине, которая плакала и ликовала в ее руках, Дева Деви с высочайшим мастерством передавала глубокую нежность, надежду на встречу и нетерпеливое ожидание Божественного Возлюбленного. Ее приятный

нежный голос входил в самое сердце: казалось, что для ее любви к Богу не существует пределов. В самых трогательных местах гимнов голос Дева Деви дрожал и прерывался от слез.

Заслушавшись, даже я начал верить, что она великая преданная. В конце концов, ее план сработал: Випра Нараяна вышел из своей хижины и приблизился к ней. Он выглядел потрясенным. Его невероятно впечатлила преданность незнакомой вайшнави, и он смиренно обратился к ней:

– Вы очень преданы Господу, благословенная госпожа. Но отчего вы плачете? Вы чем-то расстроены или испытываете божественный экстаз любви?

– Я всего лишь несчастная женщина, которая не имеет ни капли преданности в своем сердце! – не менее смиренно ответила Дева Деви. – Не смейтесь надо мной, уважаемый господин, считая меня преданной. К несчастью, я родилась в семье блудницы и моим мечтам служить Господу не суждено сбыться.

– Почему же? – с состраданием спросил Випра Нараяна, участливо глядя на нее своими большими чистыми глазами.

– Потому что через девять дней я достигну зрелости, и моя мать заставит меня следовать нашей профессии. Увы! Неужели мне не суждено посвятить свою жизнь служению лотосным стопам моего Господа?

Випра Нараяна был расстроен ее печальным рассказом.

– Могу ли я как-нибудь помочь вам? – участливо спросил он.

– Я и пришла сюда в надежде на благословения вайшнава! – упала к его стопам Дева Деви. – Вы святой человек, вы учитель всего мира! Молю вас, благословите меня остаться навеки в этом месте и поклоняться моему Повелителю!

– Конечно, оставайтесь, этот сад принадлежит Господу Ранганатхе. Он безгранично милостив и позаботится о вас! Вы можете жить здесь, воспевая Его славу! Можете плести гирлянды для Него. Посмотрите! – Випра Нараяна широким жестом обвел вокруг себя. – Какая удивительная красота природы создана Его искусством! Эти прекрасные благоухающие цветы мечтают украсить Его алтарь и Его широкую грудь. Собирая букеты для Него и создавая гирлянды, вы почувствуете вкус высочайшего блаженства! Когда вы увидите, как прекрасен мой Господь, украшенный вашими цветами, вы поймете, что достигли величайшего совершенства, – произнося эти слова дрожащим от любви голосом, Випра Нараяна смахнул слезы, выступившие на его глазах.

Дева Деви покачала головой, подумав, что он, возможно, не притворщик, а сумасшедший, но вслух сказала:

– О, благодарю вас, мой господин! Вы так великодушны! Отныне вы мой учитель в науке преданности Господу! Прошу вас, руководите мной на этом пути!

Так она осталась жить в саду Шри Рангама, а мне пришлось караулить ее, прячась за деревьями. Весь день она добросовестно помогала Випре Нараяне, собирая цветы, поливая кусты и плетя гирлянды. Иногда она бросала на него нежные взгляды, но погруженный в служение садовник не замечал их. Вечером она осталась спать на открытом воздухе.

– Может быть, вам вернуться домой, моя госпожа? – спросил я, приблизившись. – Возможно, тут небезопасно.

– Ничего страшного, я должна очень натурально исполнить свою роль. А если случится какая-нибудь опасность, то это мне только на руку. Ничто не раздувает так сильно ложное эго мужчины, как возможность героически спасти женщину из беды, – усмехнулась она.

Весь последующий день Дева Деви доказывала свою преданность на деле. Она служила со столь неистовым энтузиазмом, что даже Випра Нараяна был впечатлен ее рвением. Нанизывая цветы на нитки, она не переставала петь ангельским голосом самые сладкие молитвы в адрес Шри Ранганатхи. Потрясенный высоким уровнем ее сознания, Випра Нараяна несколько раз поделился с ней своими духовными реализациями. Дева Деви слушала его, открыв рот, изоб-

ражая всепоглощающую преданность. Мир не видал еще более внимательного и жаждущего знаний ученика. Я молча поражался ее артистизму.

К вечеру второго дня небо заволкли свинцовые тучи, предвещавшие один из тех бесконечных ливневых дождей, которыми так богата природа в это время года. Выполнив свои дневные обязанности, Випра Нараяна скрылся в своей хижине. А я, укрывшись чадаром, задремал под деревом.

Я проснулся, почувствовав крупные капли, падающие на мое сонное тело.

– Как некстати испортилась погода, – озираясь, пробормотал я.

Проливной дождь нещадно заливал остров бесконечными потоками воды, а разбушевавшийся ветер пригибал низко к земле стройные стволы пальм. Промокший до нитки, я спрятался под пышной кроной дерева и от всего сердца проклинал непогоду и свою жалкую участь хрониста великой авантюристки. Мне безумно хотелось убежать домой, переодеться в сухое и хорошенько перекусить. Но железная воля Дева Деви была несгибаема. Она сидела на открытой поляне под проливными струями и продолжала воспевать славу Господа Ранганатхи. Ее нежный голос терялся в шуме ветра и дождя. Но красавица уселась с той стороны от хижины Випры Нараяны, откуда ветер лучше всего доносил ее самоотверженное пение до его ушей.

Я удивлялся такой настойчивости и подумал, что именно благодаря своей непостижимой способности концентрироваться на цели и добиваться ее любой ценой, Дева Деви достигала успеха во всех своих начинаниях.

Она обладала хорошим здоровьем, не боялась простуды. И поэтому решительно предоставила свое тело разбушевавшейся стихии. Но со стороны одинокая девушка в тонком сари, сидящая под ураганным ливнем, представляла собой самое жалкое зрелище, от вида которого даже зверь бы устыдился. Попев некоторое время исполненные преданности гимны, Дева Деви закашлялась и со стоном упала на мокрую траву.

Естественно, Випра Нараяна не смог усидеть в своей хижине. Как только ее голос трагически оборвался, он выскочил из хижины и с тревогой подбежал к ней:

– Деви, что с вами? – обеспокоенно спросил он, опускаясь на колени.

– Ничего, мой господин, – слабеющим голосом прошептала Дева Деви и мужественно улыбнулась. – Со мной все в порядке. Пожалуйста, не переживайте и возвращайтесь в свой ашрам. Вы можете заболеть...

Ее руки посинели от холода, а прекрасное тело, обтянутое мокрым сари, била сильная дрожь.

– Деви, умоляю, пройдите в мою скромную хижину, вам нельзя здесь оставаться, – решительно сказал Випра Нараяна.

– Нет-нет! – самоотверженно отказалась Дева Деви и смиренно сложила руки. – Я никогда не осмелюсь осквернять своим греховным присутствием ашрам своего наставника! Нет ничего ужаснее, чем совершить такой грех!

– Вы можете заболеть и погибнуть здесь. Господь Ранганатха не будет доволен вашим упрямством, – продолжал со всей серьезностью увещевать ее Випра Нараяна. – Наше тело – это храм Сверхдуши, и мы не должны пренебрегать заботой о нем.

– Для меня великая радость – оставить это бесполезное тело и вернуться к Его лотосным стопам, – прошептала Дева Деви с ангельской улыбкой. – Не тревожьтесь обо мне, мой учитель, и возвращайтесь в ашрам. Я с радостью отдам Господу свою жизнь, если на то Его воля...

Произнеся эти слова, Дева Деви, словно теряя сознание, уронила голову на траву.

– Если вы считаете меня своим учителем, то я приказываю вам немедленно войти в хижину! – вскричал Випра Нараяна, испугавшись, что великая мученица и в самом деле собралась отдать Богу душу.

– Мой учитель, прошу вас, не делайте этого, – слабеющим голосом сопротивлялась Дева Деви. – Я не могу нарушить приказ того, кто так дорог моему возлюбленному Господу. Но мое присутствие в вашей обители испортит вашу репутацию. Умоляю вас, отмените свой приказ!

– Какая разница, что будут говорить люди? Я просто уступлю вам место, а сам пережду дождь здесь.

– О нет! – вскричала Дева Деви, в планы которой вовсе не входил такой вариант развития событий. – Я не вынесу, если из-за меня под дождем будет мокнуть чистый преданный Господа! За этот грех сто поколений моих предков отправятся в ад. Чтобы не совершить этот грех, я готова даже нарушить ваш приказ. Я останусь здесь и не сдвинусь с места!

– О, что за упрямая вайшнави, – с огорчением сказал Випра Нараяна. – Ну хорошо, пойдете, переждем дождь вместе.

Глаза Дева Деви довольно заблестели, она изобразила попытку встать, но затем с кашлем упала на траву.

– Простите меня, мой учитель, – со слезами прошептала она, – но у меня нет больше сил...

Произнеся эти слова, она без сознания распростерлась на земле. Випре Нараяне ничего не оставалось делать, кроме как поднять ее на руки и понести в свою хижину.

Я был доволен благополучным завершением спектакля и собрался пойти домой, но бесчувственная Дева Деви, руки которой безвольно свисали вниз, вдруг подняла указательный палец и жестом приказала мне остаться.

Мне ничего не оставалось, кроме как поплестись следом и незаметно устроиться за окном хижины Випры Нараяны.

Оказавшись внутри, Дева Деви со скорбным стоном пришла в себя и огляделась.

– Пожалуйста, примите мои одежды, – попросил ее Випра Нараяна, отдавая ей свое второе дхоти, висящее на стене.

– О, я не смею осквернить ваши священные одежды, – трагическим голосом протестовала Дева Деви.

– Деви, – остановил ее сетования Випра Нараяна, – вы должны понимать, что все вайшнавны одинаково дороги Верховному Господу, независимо от пола и касты. Вы Его дорогая преданная, и не можете осквернить мою одежду. Пожалуйста, не спорьте и переоденетесь.

С этими словами он снова вышел под дождь, а Дева Деви благоразумно промолчала.

Туго завернувшись в шафрановое дхоти святого, Дева Деви выглядела еще очаровательнее. Она распустила свои длинные волосы и пыталась просушить их. Она выглядела одновременно трогательно и неотразимо. Но Випра Нараяна не стал долго рассматривать ее. Предложив ей свою постель, он сел на крыльце и начал повторять джапу. Дева Деви некоторое время принимала самые обольстительные позы, но потом, убедившись в бесполезности этой затеи, решила сменить тактику. Ее громкий плач прервал медитацию Випры Нараяны, который открыл глаза и отложил четки:

– Что с вами, Деви? – спросил он свою беспокойную гостью.

– О ничего, мой господин, – сдерживая рыдания, прикрыла рот она. – Ничего! Продолжайте воспевать святые имена Господа! Не обращайтесь на меня внимания!

– Как я могу не обращать на вас внимания, если вы плачете в моем доме? Вы заболели?

– Все гораздо хуже! – скорбно простонала Дева Деви. – Лучше бы я заболела и умерла! Зачем, зачем я преступила порог этого дома? Что же теперь будет со мной!

– А что с вами будет? – удивился Випра Нараяна.

– Моя... моя репутация... – захлебываясь слезами, вскричала Дева Деви, – навеки погибла! Все скажут, что я провела ночь в доме одинокого мужчины! Теперь у моей матери будут все основания забрать меня и сделать проституткой!

Випра Нараяна глубоко вздохнул. Он совсем не был готов к такому повороту событий.

– Я все объясню вашей матери и уговорю ее позволить вам поклоняться Господу Ранге.

– О, она, конечно, позволит мне это, но это не изменит ее решения насчет моей судьбы, – с горечью вскричала Дева Деви. – Мой господин, умоляю, дайте мне нож, которым вы срезаете розы для Господа. Я хочу, чтобы моя жизнь тоже была срезана для Него!

– Оставьте эти греховные мысли, Деви, – строго сказал Випра Нараяна.

– Вы ... Вы не понимаете! – опять истерично закричала Дева Деви. – Если бы вы знали, что значит родиться слабой женщиной, предназначенной для поругания! Для утех бесстыдных материалистов! Смогу ли я смотреть в лотосное лицо Господа, будучи игрушкой в чьих-то руках? О, лучше мне сейчас же оставить свое тело в священных водах Кавери! – с этими словами она встала и решительно направилась к выходу.

– Пойдите, – Випра Нараяна загородил ей дорогу. – Я не могу позволить вам утопиться в реке. Вы должны доверять Господу Ранге, молиться Ему...

– Мой господин, зачем вы сначала уговорили меня войти в ваш ашрам, из-за чего моя репутация погибла, а теперь мешаете мне оставить тело? – страдальческим тоном спросила Дева Деви, укоризненно глядя на него. – Даже если вы не пустите меня к реке сейчас, я все равно прыгну в нее завтра. Разве имеет значение эта жизнь вдали от моего Господа?

Випра Нараяна уже был изрядно измучен ее решимостью утопиться.

– Неужели ничего нельзя сделать? – устало спросил он. – Неужели у вас нет иного выхода?

– Выход был, – со слезами прошептала Дева Деви. – Если бы меня взял замуж какой-нибудь вайшнав и позволил мне поклоняться Шри Ранге. Моя мать не имела бы больше прав на меня... но, увы, это теперь невозможно!

– Почему же? – удивился Випра Нараяна.

– Какой вайшнав женится на девушке моего сословия, к тому же переночевавшей в доме другого мужчины? – заламывая руки, вскричала Дева Деви. – Только Господь Кришна был способен на такое великодушие! Но, увы, Он уже ушел с этой планеты!..

Так Випра Нараяна оказался виноват во всех страданиях Дева Деви. Некоторое время помолчав, он спокойно сказал:

– Хорошо, Деви, чтобы помочь вам, я готов жениться на вас.

– Вы?! Вы?! – вскричала Дева Деви с притворным ужасом. – О нет! Я никогда не позволю, чтобы мой благодетель, мой учитель, утратил свое положение ради меня! Я никогда не соглашусь стать причиной вашего позора! Что скажут люди о садху²², женившемся на дочери блудницы? Это невозможно!

– Деви, человек не должен беспокоиться о мнении людей, когда речь идет о помощи другому вайшnavу, – мягко сказал Випра Нараяна. – Для меня достаточно, что Господь Ранганатха будет доволен мной. Ни о чем не беспокойтесь. Ложитесь спать. А завтра я возьму вас в жены перед священным огнем.

– О, вы святой! Святой! – Дева Деви упала к его стопам и омыла их слезами. – Благослови вас Господь, мой господин!

Довольная Дева Деви обессилено упала на кровать, а Випра Нараяна продолжил перебирать четки. Я же, безумно обрадовавшись развязке, отправился домой.

После тяжелой ночи я спал почти до полудня и пришел в сад к Дева Деви лишь после обеда.

Она сидела лужайке и нанизывала цветы на нитку. Светило яркое солнце, озаряя посвежевшую после дождя листву.

– Передай моей маме, что у меня все хорошо, – сказала она. – Кстати, можешь меня поздравить, Джива, утром Випра Нараяна провел агни-хотру, взяв меня в жены.

²² Садху – святой (санскр.).

– Раз вы добились своего, может, вам пора вернуться домой? – обрадовался я тому, что моим хождениям на остров придет конец.

– Еще не время, – покачала головой она. – Я успела воплотить в жизнь только первую часть своего плана. Випра Нараяна мой муж, но его ум еще не принадлежит мне. Вот когда он забудет о Боге и вместо Его имени, будет воспевать мое, тогда дело будет завершено. Но теперь, когда я стала полноправной женой, достичь этого совсем не трудно.

– Что же вы намерены делать, прекрасная госпожа? – спросил я.

– Я уже вошла в доверие, и он считает меня святой вайшнави, – мило улыбнулась Дева Деви. – Дело осталось за малым. Теперь нужно поставить на алтарь самого Випру Нараяну, заменив Бога его собственной персоной. Я буду готовить ему любимые блюда, петь стихи его сочинения, делать ему массаж и с утра до ночи прославлять его возвышенную преданность, разум, силу и благородство. Как только он почувствует сладкий вкус от того, что ощутит себя Богом, он привяжется и не сможет жить без меня. А дальше – дело техники. Так и придет конец его святости! – засмеялась Дева Деви. – В этом мире нет ни одного существа, которому не хотелось бы почувствовать себя Божеством.

Представив себе перспективы Випры Нараяны, я не знал, радоваться мне за него или сочувствовать ему. Но необходимость отсиживаться в зарослях еще несколько дней удручала меня.

– О прекрасная госпожа, – заныл я. – Не сомневаюсь в вашей победе, но мне так трудно прятаться в этом саду. Если Випра Нараяна обнаружит меня здесь, что он подумает?

– Хорошо, отправляйся домой, – безмятежно сказала Дева Деви. – Мне уже не нужна твоя помощь. Теперь обо мне будет заботиться мой муж.

Радостно вздохнув, я откланялся.

Через три дня Дева Деви победоносно вернулась домой:

– Я выиграла пари, – самодовольно сообщила она сестрам. – Випра Нараяна отдал мне свое сердце. Он забыл все свои гирлянды, пуджи и песни. С его языка не сходит мое имя. Он не может прожить ни минуты без меня. Он, как глупец, совершенно уверен, что я люблю его больше, чем его Бог. В общем, ничего интересного: обычная история. Очередной болван. Пришлось убежать из его ашрама, пока он спал. Пусть думает, что меня забрала мама. Ваш святой оказался совсем не святым. Скоро увидите сами. А теперь принесите мне чего-нибудь вкусненького, я так устала от его аскетичной еды!

Вскоре по городу поползли слухи. Великий вайшнав Випра Нараяна потерянно бродил по городу и расспрашивал людей, не видел ли кто его жену. Люди были безмерно удивлены наличием у него жены, которая оказалась вдобавок блудницей. Но Випра Нараяна не обращал внимания на слова осуждения и пересуды. Он искал ее, опасаясь, не случилось ли с ней какой-нибудь беды, и даже спустился далеко вдоль течения Кавери, переживая, не утонула ли она в ее водах.

В конце концов, кто-то сердобольно указал ее заведение, и Випра Нараяна постучался в его двери:

– Дева Деви, пришел ваш муж, – хихикнув, сообщил я.

– Только не пускайте этого олуха сюда, – нахмурилась она и попросила свою мать выйти к Випре Нараяне и внушительно объяснить, что она позволит ему встретиться с дочерью только за солидное вознаграждение.

– Дорогая мать, – почтительно обратился Випра Нараяна к старой проститутке, – позволь мне, пожалуйста, забрать из твоего дома жену.

– Еще чего! Не для того я ее растила и обучала нашей профессии, чтобы кто попало пользовался ею, ничего не давая ей взамен. Правила у нас такие: носи золото – и она твоя.

– Перед священным огнем и Верховным Господом я взял ее в жены, – смиренно ответил Випра Нараяна. – И теперь мой долг заботиться о ней. О, великодушная женщина, будьте

добры, позвольте мне забрать вашу дочь и нести ответственность за нее в согласии с законами дхармы.

– О себе позаботьтесь, великодушный господин, – передразнила нищего вайшнава мать Дева Деви, презрительно рассматривая его ветхое дхоти. – Моя дочь не может принадлежать оборванцу! Говорю тебе: или неси деньги, или убирайся.

С верхнего этажа мы, посмеиваясь, слушали, как старая карга отчитывает Випру Нараяну. Только мой брат Сумитр, побледневший от переживаний, закрыл уши руками и убежал. Ему невыносимо было видеть, как почитаемый им святой пал, привязавшись к падшей женщине. Его вера в Бога и святых зашаталась.

Убедившись в неумолимости старой проститутки, Випра Нараяна с поникшей головой отправился обратно. Его благородное лицо было бледным от переживаний, а на глазах блестели слезы.

– Прости меня, Деви, что я не смог защитить тебя, – с болью прошептал он. – Мне остается только молить о помощи Верховного Господа!

Защита Господа Ранганатхи.

На следующий день мой брат сообщил, что разочаровался в учении вайшнавов о взаимной любви Бога и Его преданных.

– Скорее, был прав учитель мимамсы²³, – сердито сказал он. – Вряд ли Бог интересуется делами людей. Ему нет до нас никакого дела. Все в этом мире происходит с нами просто по карме. А вайшnavы – сентиментальные глупцы. Сколько времени я потерял, посещая их собрания! Вместо того чтобы служить Богу, лучше бы я изучал астрологию и узнал, как улучшить свою карму!

– Ты не виноват, брат, – утешил его я. – Эти вайшnavы так красиво умеют убеждать, что даже я чуть было не поверил им. Мне жаль, что твой кумир оказался обычным человеком. Знаешь, люди говорят, что он как привидение бродит по острову и бормочет имя Дева Деви. Видно, совсем ему невмоготу без нашей госпожи!

– Знал бы он, как она насмеяется над ним в это время, может быть, отрезвел бы, – мрачно сказал Сумитр. – Впрочем, давай забудем о нем.

Мы продолжали беседовать, когда в дом постучал какой-то брахман.

– Здесь ли проживает госпожа Дева Деви? – спросил он.

– Вот еще один святой поклонник куртизанок, – усмехнулся я, наблюдая, как вниз спускается мать Дева Деви.

– Дорогая госпожа, – обратился к ней брахман, – меня зовут Сундарараджа, я близкий друг Випры Нараяны. Он передал вам этот золотой кувшин, – с этими словами брахман вытащил из сумки сияющий горшок.

– Ого! – присвистнула старуха. – А святой-то не такой протак!

– Он скоро подойдет к вашему дому. Примите его со всем почтением, – внушительно сказал брахман и удалился.

– Эй, Дева Деви, – закричала обрадованная старуха, к нам идет твой поклонник Випра Нараяна.

– Этот болван? Зачем он мне нужен?

– Спускайся, он передал тебе щедрое вознаграждение. Таких клиентов нельзя терять!

– Интересно, где он раздобыл его? – удивилась Дева Деви, но послушалась.

В эту минуту в ее дом вошел Випра Нараяна. Он умоляюще посмотрел на старую проститутку, ожидая нового приступа гнева. Но, к его удивлению, та была приветлива:

²³ Мимамса – одно из философских учений Древней Индии, согласно которому жизнь человека всецело зависит только от его собственных поступков.

– Проходите, мой господин, мы так рады видеть вас! Проходите, пообщайтесь с моей дочкой.

Не веря своим ушам, Випра Нараяна с любовью взирал на потупившую взор Дева Деви.

– Мой господин, наконец–то вы пришли ко мне! – упала к его ногам Дева Деви. – Прошу вас, побудьте со мной в этом доме.

Она увлекла его за собой на верхний этаж, а мы с братом переглянулись.

– Вот она, святость, – разочарованно протянул Сумитр.

– Идиот! – хмуро прокомментировал я. – Эх, будь я на его месте, никогда бы не попался в ловушку женщины. Судьба и здесь дала промах, брат! Возвела в ранг святого такого слабохарактерного типа. Ох, если б я был духовным лидером и святым... да разве стал бы я привязываться к бестолковой женщине?

Проходя мимо апартаментов Дева Деви, Сумитр краем уха прислушивался к тому, что там происходит. Из-за закрытой двери доносился мелодичный голос Дева Деви, распевавшей сочиненные Випрой Нараяной гимны.

– Песни про Ранганатху поет, – сообщил он с вопросом в глазах.

– Пусть тебя это не смущает, брат, – покачал головой я. – Я ведь рассказывал тебе, что наша госпожа поймала его на крючок тщеславия. Наверное, ему так нравится, когда кто-то восхваляет его творческий гений, что он упросил ее еще попеть его стихотворения!

Мы сидели и перебивали кости этому несостоявшемуся святому, когда у ворот раздался шум. Открыв, мы увидели царский отряд.

– Здесь проживает Дева Деви? – хмуро спросил нас самый главный офицер. – Этой ночью в храме Господа Ранганатхи пропал золотой горшок. Мы с утра его ищем. Прислуга донесла нам, что его видели в этом доме.

– Вот так дела! – вскричала подроспевшая мать Дева Деви. – А еще святой, чтоб ему пусто было! Этот горшок передал моей дочери садовник из Шри Рангама по имени Випра Нараяна в качестве платы за ее услуги. А я–то ломала голову, откуда у нищего эта вещица? Оказывается, ради моей дочери этот притворщик пошел на воровство! Берите его, мой господин, он как раз сейчас находится в этом доме.

На шум с верхнего этажа спустились Дева Деви и Випра Нараяна. Служанка по приказу старухи принесла горшок.

– Он?

– Он, – мрачно подтвердил офицер. – Именем царя Чхолы я вынужден взять вас всех под арест и доставить в царское собрание.

Эта перспектива совсем не обрадовала меня, и я пожалел, что ввязался в эту историю.

– А что случилось? – удивилась Дева Деви.

– Твой поклонник, этот мнимый святой, украл золотой горшок из храма и передал его нам! – возмущенно ответила ее мать.

На лице Випры Нараяны было написано недоумение.

– Но при чем тут я, дорогой господин? – испуганно бросилась Дева Деви к офицеру. – Этот безнравственный человек совершил преступление, так накажите его! Он давно обманывает невинных жителей Шри Рангама, изображая из себя святого! А на самом деле он совсем не равнодушен к женщинам! Он обманул и меня, притащив сюда этот горшок, чтобы наслаждаться моей любовью. Я же ни в чем не виновата!

Випра Нараяна с изумлением смотрел, как его любящая жена на глазах превращается в разгневанную фурию. Ее предательство поразило его намного больше, чем обвинения офицера. Поблуднев, он опустил глаза.

– Вы признаете, что украли этот горшок? – строго спросил его офицер.

– Я не брал его, – чистосердечно ответил Випра Нараяна.

– Ладно, я арестую вас обоих, а царь сам разберется с вами. А вы все, – обратившись к нам, приказал он, – следуйте за мной.

В зале судебных разбирательств королевского дворца собрались самые уважаемые люди королевства. Всем было любопытно, чем кончится эта непонятная история. Половина присутствующих сочувствовали Випре Нараяне, считая его жертвой махинаций. Но другая половина обвиняла его, открыто осуждая за привязанность к куртизанке и воровство.

Все домочадцы Дева Деви подтвердили, что они лично видели, как незнакомый брахман от имени Випры Нараяны вручил кувшин ее матери. Так была подтверждена его вина. Випра Нараяна, потрясенный случившимся, даже не собирался защищаться. Его благородное лицо побледнело от горя. Он молчал, погруженный в размышления.

По закону ему положено было отрубить обе руки. Но, поскольку Випра Нараяна был известен на все царство как великий святой, наш царь Чхола колебался, не зная какое принять решение. Он перенес вынесение приговора на следующий день и отправился молиться в храм. А всех нас посадили в тюрьму до вынесения окончательного решения. Дева Деви и ее мать были возмущены.

– Да был бы ты порядочным человеком, признал бы свою вину, и не допустил бы, чтоб невинные люди страдали! – разъяренно прошипела старая карга.

Офицеры без особых церемоний объяснили нам, что если кто-то из нас что-то знает, но скрывает, то мы должны сознаться до утра, иначе нас ожидают серьезные проблемы. Помощницы и служанки Дева Деви, подвергшись психологическому прессингу, впали в истерику. Они проливали слезы и клялись, что ничего не знают и ни в чем не виноваты. Я тоже был зол в душе на Випру Нараяну, по вине которого нам предстояло провести ночь в столь некомфортном заведении. По царскому приказу его посадили в отдельную камеру. Это было выражением почтения царя к его былым заслугам. А мы с Сумитром оказались в камере напротив.

Ночь казалась нам невыносимо долгой. Я вздрагивал от страха, представляя, что из-за глупой прихоти хозяйки и преступления мнимого святого могу навеки остаться в этом мрачном месте, где стены были зелеными от плесени. Как я проклинал свою злосчастную судьбу и как мечтал оказаться дома, проснувшись от этого ужасного сна! В отличие от меня, мой брат был озабочен другими вопросами.

Вглядываясь в темноту противоположной камеры, в углу которой виднелось как светлое пятно дхоти Випры Нараяны, он шепотом говорил мне:

– Я не могу поверить, что из-за вождения этот человек мог украсть кувшин у Господа, которому он поклонялся с самого детства!

Я презрительно взглянул на неподвижный силуэт Випры Нараяны и пожал плечами:

– Как же тогда, по-твоему, этот кувшин мог оказаться у него? Чего только не делают люди в этом мире ради женщин!

Мы долго рассуждали, мог ли Випра Нараяна украсть этот кувшин и как ему удалось это сделать в столь многолюдном месте. Все это время Випра Нараяна неподвижно сидел в углу своей камеры. Вскоре усталость взяла вверх, и мы погрузились в тяжелый беспокойный сон.

Я проснулся от шума шагов, яркого света и звона хлопающих дверей. Открыв глаза, я увидел, как охранник испуганно распахивает двери камеры Випры Нараяны. Туда поспешно вбегал богато, но небрежно одетый господин. Приглядевшись, я с изумлением узнал в нем царя Чхолу.

Вместе с Сумитром мы прильнули к решеткам и превратились в слух.

К нашему изумлению, царь распростерся в ногах у вскочившего Випры Нараяны и молил его о прощении. Факел в руке слуги освещал изумленное лицо садовника и распростертую фигуру царя.

– Прости меня, о великая душа! – смиренно сказал царь, поднимаясь с пола и складывая руки в намаскаре. – Прости, что я не верил твоим словам и сомневался в твоей невинности! Но мое невежество увеличило твою славу! Господь Сам доказал твою чистоту! Сегодня вечером я молился Ему, чтобы Он открыл мне истину и помог принять правильное решение! И во сне Он явился ко мне! Он сказал, что ты невиновен и не крал этот кувшин!

Сумитр радостно хлопнул меня по плечу. А я прошептал:

– Кто же тогда это сделал?

– Шри Ранганатха сказал мне, что Он САМ украл этот кувшин для тебя и отнес его к этой женщине! – взволнованно вскричал царь. – Он сказал, что Ему невыносимо было смотреть на страдания Своего любимого преданного! И ради тебя Он САМ отнес Свой кувшин к куртизанке! Этот же сон приснился и главному пуджари нашего храма.

Услышав эти слова, Випра Нараяна широко раскрыл глаза и рухнул на землю. Царь и слуги подняли его и стали приводить в чувство. А мы с Сумитром, потрясенные, переглянулись, не веря своим ушам.

Очнувшись, Випра Нараяна упал лицом вниз и сокрушенно зарыдал.

– О Ранга! О Ранга! – сквозь рыдания кричал он, разрывая на себе одежды.

– О святой вайшнав, – с великим почтением обратился к нему царь, – ты самый удачливый из всех! Господь так любит тебя, что заботится о каждом твоём желании. Встань же, не плачь так отчаянно.

Но Випра Нараяна не мог остановиться. Слезы потоками лились из его глаз, а тело дрожало от переполнявших его эмоций.

– О, какого Господина я, самый последний из людей, оставил! – задыхаясь от боли, рыдал он. – Какого любящего Господина я предал! Ради нас, ушедших из Его обители, Он приходит в этот бранный мир и прилагает все усилия, чтобы вернуть нас обратно! Он прощает нам нашу неблагодарность, наше предательство! Он прощает, что мы поворачиваемся к Нему спиной и с жадой бросаемся в объятия майи! Он ВСЕ прощает нам! Как самый преданный из друзей, Он заботится о нас и исполняет все наши желания! А мы... предаем Его вновь и вновь!!!

Царь, его слуги и охранники замерли, не в силах успокоить охваченного раскаянием Випру Нараяну.

– О Ранга! – жалобно стонал он. – Прости, прости этого неблагодарнейшего из людей! Позволь мне никогда больше не забывать Тебя, мой Господин! Позволь мне навеки найти прибежище у лотосных стоп Твоих слуг! Защити этого глупца от привычки вновь и вновь предавать Тебя!

Стоявший рядом Сумитр вытирал слезы краешком чадара, а я не мог понять, снится ли мне все это.

Впрочем, скоро мы поняли, что это не сон: по приказу царя нас всех немедленно освободили. Серьезные проблемы были только у Дева Деви. Узнав о ее интригах, царь Чхола приказал ей покинуть царство. Так мы с Сумитром поняли, что лишились доходной работы. После того как все подробности этой истории получили огласку, вряд ли кто-нибудь из царей даст ей прибежище в своих владениях. Испуганная и расстроенная Дева Деви, вернувшись домой, сняла все свои украшения и смиренно отправилась просить прощения у Випры Нараяны, который тоже вернулся в свой сад.

Отсутствие ложного эго.

Дева Деви ехала, меланхолично опустив голову. Она выглядела удрученной и бледной. Спрыгнув с паланкина, она робко направилась к Випре Нараяне, возвращавшемуся из храма. Хотя прошло всего несколько часов с тех пор как его освободили, Випра Нараяна выглядел совсем по-другому: он светился блаженством. Из его полузакрытых глаз катились слезы. Он шел, не разбирая дороги, и беспрерывно повторял:

– О Ранга! О Ранга!

– Мой господин, – жалобно обратилась к нему Дева Деви, опускаясь на колени, – если вы прогоните меня, то будете тысячу раз правы! Но все же, пожалуйста, выслушайте меня.

Випра Нараяна обернулся к ней и вздрогнул, очнувшись от своего блаженного забытья:

– Что вы хотите, Деви?

– Я хочу попросить у вас прощения, – опустив голову, ответила Дева Деви. – Я всем сердцем раскаиваюсь, что хотела причинить вам зло и что сомневалась в вашей преданности Господу. Простите меня великодушно! Я раскаиваюсь, что причинила вам столько страданий!

– О Деви, вы не причинили мне страданий, – мягко ответил Випра Нараяна. – Напротив, благодаря вам я испытал величайшее счастье. Если бы не вы, как бы я мог понять, насколько велика доброта моего Господа! Я очень благодарен вам.

– Но разве вам не больно из-за того, что вы были посмешищем в глазах всего города? Из-за того, что люди утратили к вам уважение и смеялись над вами? Ведь весь город говорил о том, что святой променял Божество на куртизанку...

– О Деви, я с радостью буду принимать позор за позором, если это прославит моего Господа! – с сияющей улыбкой ответил Випра Нараяна. – Если моя слабость показывает Его великодушие, если мое предательство показывает Его преданность, то пускай я буду посмешищем в глазах людей жизнь за жизнью! Пусть весь мир осуждает ничтожного Випру Нараяну. Это правда, что я всего лишь глупый, слабый и смешной человек. Что с того? Истина в том, что любящий Господь не забывает Своего слугу, даже когда тот ввергнут в пучину иллюзии. Он самый преданный из друзей. Да разве может крохотная джива²⁴ без Его милосердного вмешательства преодолеть влияние майи? Я благодарю вас, Деви, что вы показали всему миру, как добр Господь к Своим слугам!

– Неужели у него и в самом деле нет никакой аханкары? – пораженно прошептала Дева Деви. – Неужели его совсем не волнует, как выглядел он во всей этой истории? Я начинаю верить, что вайшнавцы на самом деле знают, как преодолеть иллюзию... О господин! Как я могу искупить свой грех? Укажите мне путь!

– Единственный путь из мрака этого мира – общение со святыми вайшнавами и служение им, – смиренно ответил Випра Нараяна. – Служите преданным Господа, Деви, следуйте их наставлениям. И Господь прольет на вас свою милость.

²⁴ Джива – душа (санскр.).

Глава 2. НИЩИЙ. ИСПЫТАНИЕ ИОВА

Земля Уц.

2000 год до нашей эры.

О том, что герои иногда думают о своих женщинах.

Иов был самым близким другом и благодетелем всех живых существ в городе Уце.

Поэтому со своей бедой я не мог пойти ни к кому другому, кроме него. Прохладным ранним утром я шел к его фешенебельному дворцу, раскинувшемуся среди плодоносных садов, и думал, как же повезло этому человеку, стада которого были самыми огромными, жена и дочери самыми красивыми, а сыновья самыми умными и образованными.

В отличие от него, я не был любимцем судьбы. Мало того, что всю жизнь я работал, как последний осел, еле-еле сводя концы с концами, так теперь меня постигло неизмеримое горе – ушла из жизни моя дорогая жена.

Я никогда не предполагал, что ее кончина окажется для меня таким несчастьем. При жизни болтливая Рами не редко раздражала меня. Невозможно было понять природу ее женского ума, который состоял из одних противоречий. Первые годы нашей семейной жизни она лила слезы, страдала и причитала о том, что Бог не дал нам детей. Мы совершали всевозможные ритуалы и обряды, чтобы произошло это радостное событие. И вот, когда Бог сжалился и послал нам сына, я ожидал, что теперь-то она успокоится и будет счастлива и довольна. Однако моим надеждам не суждено было сбыться. Оставшиеся годы Рами лила слезы, страдала и причитала о том, как же тяжело растить этого самого ребенка: не спать с ним по ночам, гоняться за ним по улицам Уца, когда он пропадал допоздна, и прилагать невероятные усилия, чтобы вырастить из него порядочного человека.

Непостижимая глупость Рами была причиной всех моих проблем. Это из-за нее не ладилась наши дела, а волки растаскивали последних овец, которых мне приходилось пасти. Это она не могла нормально следить за хозяйством, чтобы наши расходы не превышали доходы. Это она плохо воспитывала нашего сына, и он вырос безответственным оболтусом, несмотря на всю замечательную наследственность с моей стороны. Кроме того, она никак не могла по достоинству оценить мою невероятную заботу о ней, выражавшуюся в том, что я без устали давал ей наставления: как готовить пищу, как поддерживать порядок в доме и как вести себя в обществе.

Женщины – странные создания. До замужества они днем и ночью мечтают о том, как бы выйти поскорее замуж и жить с милым в любви и согласии. А после свадьбы только и ждут, когда их благоверный поскорее уйдет из дома на работу, закончив свои наставления, и предоставит им возможность бездельничать на кухне и болтать с подружками. Как будто нельзя было с тем же успехом делать это и без замужества!

Как и многие неразумные женщины, Рами не понимала, что главный долг мужчины в семье заключается в том, чтобы без устали поучать женщину, указывать на ее ошибки и недостатки. Поэтому она считала худшим из дней выходной, когда я отдыхал от забот и мог позволить себе проявить по отношению к ней любовь и внимание.

Иногда я не понимал, зачем Господь создал праматерь Еву и ее дочерей? Гораздо лучше было б, если бы он создал двух Адамов, которые мирно существовали бы в раю до конца времен, уважая свою мужскую солидарность. О, от скольких проблем бы это избавило несчастное человечество! Впрочем, по отношению к Себе Господь Бог поступил достаточно мудро и не создал Себе женского подобия, в отличие от глупых богов ассирийцев и вавилонян, обремененных женами и детьми.

Это был еще один веский аргумент в пользу правильности сделанного мною религиозного выбора. Признаться, некоторое время назад я колебался, не зная, стоит ли мне менять религию. Ведь неподалеку жил мой приятель Сумант – ассириец–астролог, поклонявшийся звездам и читавший людские судьбы по движению планет. А как он жил! В его доме было столько достатка и добра, что и мне приходилось задуматься, а не лучше ли поклоняться Мардуку, столь щедро осыпавшему золотом своих поклонников?

С другой стороны, наш патриарх Иов жил гораздо лучше него. Стада его овец были бесчисленными, а амбары полны зерна. Я долго думал, чей же Бог более достоин поклонения? В конце концов я сделал выбор по последователям. Астролог–ассириец не отличался любовью к благотворительности и не всегда стремился помочь ближнему. Но вот Иов щедро раздавал пожертвования и заботился об окружающих. Следовать религии потенциального спонсора было более благоразумно, и потому я выбрал Бога Иова.

Впрочем, от этого выбора не было большой пользы. Когда в очередной раз я вопрошал Бога о том, почему Он послал мне столь несовершенное окружение, моя дорогая Рами неожиданно оставила этот мир, заставив меня пережить стресс одиночества. Сначала по воле провидения она изволила оглохнуть и уже не слышала все мои наставления, а потом и вовсе умерла, оставив меня в горьком недоумении. Только сейчас я осознал, как сильно я любил эту женщину, ведь... кто теперь будет готовить мне обед? Кто будет стирать мои одежды? Кто будет виноват во всех превратностях нашей судьбы? Кто будет без умолку щебетать над моими ушами?..

Исполненный печали вдовец, я шел по тропинке среди зеленых пастбищ к величественной обители Иова.

Встреча с Иовом.

Известный на всю округу великий праведник Иов встретил меня на широком дворе своего дворца, где он принимал просителей. Этот двор был заполнен такими же, как я: бедняками, калеками, сиротами и нищими. Я встал в очередь и принялся наблюдать за происходящим. Иов был статным высоким человеком приятной наружности. Ветер слегка разведал его пышные, тронутые сединой волосы и окладистую бороду. Его лицо было серьезным, простым и лишенным признаков гордости, обычно свойственной богатым людям. Он был одет в роскошную мантию, которая подчеркивала величественность его фигуры. Очень внимательно он вслушивался в жалобы просителей и распорядился немедленно помочь всем, кто нуждался в его защите.

Наконец через пару часов очередь дошла и до меня. Я волновался задолго до встречи с такой неординарной личностью. Уже неделю заготавливал жалобную речь, которая почему-то сейчас всплывала в моем уме очень сумбурно.

– О господин, – воззвал я, свалившись в поклоне к его стопам, – беды беспрестанно преследуют этого самого несчастного из всех страдальцев и только надежда на вашу помощь поддерживает жизнь в этом измученном теле!..

– Встань, сын мой, – ласково сказал Иов, поднимая меня с земли своими крепкими теплыми руками. – Расскажи, что с тобой случилось и чем я могу помочь тебе?

Не дожидаясь повторных вопросов, я поведал ему о своей злополучной судьбе: о нищенской доле, о сдохших овцах, о своем вдовстве и невозможности поддерживать жизнь единственного отрока. Вспоминая свои страдания, я со слезами на глазах бил себя кулаками в грудь, а закончил тираду горестным воплем:

– С детства мой живот урчит от голода, а тело в рваных веригах дрожит от стужи! Не совершивший ни единого греха, за что я страдаю с рождения? О, как жесток ко мне Бог! Как печальна моя участь!

– Не возводи хулу на Господа, – строго остановил меня Иов. – Он никогда не бывает жесток и несправедлив к Своим созданиям. Он милосерден и добр и всегда слышит мольбы

своих слуг. Он всегда готов поддержать нас, но делает это через людей. Если бы все люди готовы были стать инструментами в Его руках и помогать друг другу, то страданий в этом мире было бы намного меньше.

– Но как же Он допускает, что безгрешный ребенок, едва родившись, обречен на муки нищеты? – продолжал вопрошать я, разрывая свои и без того дырявые одежды.

– Вот! Возьми и прославь Его, милостивого Дающего, – сказал Иов и, сняв с себя роскошную мантию, накинул ее мне на плечи.

Я онемел, почувствовав прикосновение к телу тончайшей шерсти, пахнувшей благовониями и еще сохранившей тепло.

– Если я дам тебе золота, ты все равно растратишь его и придешь опять, – вслух рассуждал Иов. – Лучше я дам тебе работу. Ты же пастух? С этого дня я беру тебя пасти моих овец. Живи здесь и приводи своего сына. Мои слуги позаботятся о нем.

– Спасибо, мой господин, – снова упал в поклоне я. – Спасибо! Дай Бог вам здоровья, богатства, долгих лет и...

– Благодарю не меня, а Бога, – остановил мои излияния он. – Это Он ведет нас и заботится о нас в каждую минуту нашей жизни. Это Он учит нас испытаниями, помогая подняться на новый уровень веры. Ты никогда больше не должен сетовать на Господа и сомневаться в Его доброте. Пойми, что Он в совершенстве отвечает каждому и знает малейшие движения нашей души. Он самый справедливый и милосердный. Служи Ему, и ты обретешь мир и счастье...

Может ли святой потерять все?

С этого дня моя жизнь полностью изменилась. Наши животы уже не страдали от недоедания, мы чувствовали себя полностью защищенными заботой великого праведника. Более того, с этого дня я полностью уверовал!

Я понял, глядя на Иова, что праведник, тщательно поклоняющийся Богу, будет кататься как сыр в масле всю свою жизнь. Глядя на материальные богатства Иова, я получил лучшее доказательство того, что служение Богу исполняет все желания преданного Ему человека. И это открытие вдохновило меня стать самым ярким защитником праведности.

Как и положено только уверовавшему человеку, я первым делом поругался с астрологом–ассирийцем, доказывая ему, что его Бог и в подметки не годится нашему. Я стал проповедовать всем своим родственникам, которые не сразу осознали божественность обрушившегося на них откровения. Я заставил своего никак не ожидавшего этого отпрыска днем и ночью возносить молитвы благодарности.

Наблюдая, как Иов постоянно проводит жертвоприношения за своих детей, опасаясь, что кто-то из них может оступиться и согрешить мысленно, я клялся себе, что тоже буду совершать эту деятельность при первой же возможности.

Итак, как и любой новообращенный праведник, я проявлял все признаки религиозного энтузиазма и радовался, что Бог послал мне такой замечательный образец успешного человека.

Будущее казалось мне радостным, пока однажды в поле, где вместе с другими пастухами я пас его овец, не ударила молния. Сухая трава моментально загорелась, пожар быстро распространялся. Попытки бороться с огнем были бесполезны. Мне пришлось спасать свою жизнь, оставив овец жалобно блеять в огне.

Еле унеся свои ноги, я не знал, как мне предстать перед своим благодетелем. Ведь никогда еще подобного не случилось в его владениях. Я винил во всем свою злую судьбу и горестно предстал перед хозяином с повинной головой:

– Мой господин, молния ударила с небес и поле загорелось! Ваши овцы погибли в пожаре...

Иов выслушал мои слова без тени гнева на своем благородном лице. Но в эту минуту в его дом ворвались еще несколько гонцов с ужасными известиями:

– Савеяне украли ваших ослиц и волов!

– Халдеи украли верблюдов!

– Все ваши дети погибли в урагане, который обрушил крышу на их головы!

Все обитатели дворца застыли в немом ужасе. Столь жуткое стечение обстоятельств нельзя было объяснить случайностью. За чередой ужасных известий стоял чей-то злой умысел. Вскоре зарыдали женщины, а прекрасная жена Иова без сознания упала на каменный пол.

Не в силах произнести ни звука, я с ужасом смотрел на Иова, не понимая, за что эта беда свалилась на моего наставника. Лицо Иова смертельно побледнело, он без сил упал на землю и разодрал на себе одежды, как и я несколько месяцев назад. Я ожидал, что он также закричит: «За что Бог обрушил свою кару на невинного человека?» Но Иов лишь сдавленным от боли голосом прошептал:

– Наг я вышел из чрева матери и наг возвращусь. Господь дал, Господь взял! Да будет благословенно имя Твое!

Мне стало немного легче на душе. Как мне и хотелось, даже в час испытаний наставник не ударил в грязь лицом и повел себя именно так, как учил своих подопечных.

Дом Иова погрузился в горе, его жена и слуги лили слезы дни напролет, а вместе с ними и я, оплакивавший помимо всего прочего крах стабильного источника своего дохода. Мы не понимали, как такая беда могла случиться со столь праведным человеком. Но поведение Иова оставалось на высоте. Несмотря на адскую боль в сердце, он терпеливо сносил свое горе и не проронил ни одного слова упрека. Это утвердило его репутацию праведника. Городские жители ставили его в пример того, как надо мужественно переносить лишения. И я гордился тем, что моим наставником был столь уважаемый человек. При этом где-то в глубине души я, как и многие горожане, чувствовал некоторое удовлетворение от того, что не у одного меня случаются несчастья. В свое время они пришли и к этому праведнику, успеху которого завидовал весь мир.

Но вскоре нас поразило еще более ужасное известие: однажды утром Иов проснулся и увидел, что тело его покрылось гнойным налетом белой проказы!

Кто-то говорил, что его здоровье было подорвано пережитым горем и он заразился от одного из нищих, толпившихся во дворе. Другие утверждали, что Бог поразил его проклятием за тайные грехи.

Так или иначе, Иову больше нельзя было оставаться в обществе здоровых людей, и он должен был покинуть наш город. Я видел, как его прекрасная жена с красными от слез глазами в истерике кричала на весь дом:

– Ты что, до сих пор тверд в своей вере, Иов?! Прокляни лучше Бога и умри, несчастный!

С растрепанными волосами и перекошенным от гнева лицом она рыдала, не в состоянии смотреть на своего некогда красивого и представительного, а теперь обезображенного проказой мужа. Испытывая невыносимый зуд, Иов поскоблил гнойные раны черепком и ответил жене тихим голосом:

– Ты говоришь, как безумная. Неужели только хорошее мы будем принимать от Бога, а плохого не будем?

Как и все слуги, я слушал слова Иова со смешанным чувством уважения и сомнения. Его вера оставалась крепкой, но почему же он так страдал?

Когда Иов удалился за пределы города, говорят, к нему пришли его ближайшие друзья, не желая оставить его в трудный час. Поскольку мой ум был измучен сомнениями, я решил тоже отправиться в то место, и, наблюдая из укрытия, узнать, что же там происходит.

Кризис духовного лидера.

За несколько дней проказа распространилась по всему телу Иова: он был покрыт гнойными струпами с головы до пят. На его страдания невозможно было смотреть без содрогания. Встретив его, я усомнился, а не ошибся ли я, не последовав примеру ассирийца–астролога в его поклонении Мардуку? Впрочем, услышанное привело меня в еще большее смятение.

Несколько дней невыносимой боли и непрекращающейся чесотки довели Иова до безумия: он катался по земле, пытаясь унять зуд гноящихся ран, и, потеряв терпение, призывал свою смерть:

– Да будет проклят день, когда я родился! Зачем? Зачем я появился на этот свет?! – хриплым голосом кричал он.

Если все предыдущие события приводили меня в беспокойство, то это недостойное малодушие наставника стало уже последней каплей. Я схватился за голову.

Какие претензии у Бога могут быть к нам, слабым людям, если даже самый старший из наставников не в состоянии достойно встретить посланные испытания? Духовный наставник ведь должен быть образцом героической преданности, без труда преодолевающим все перипетии судьбы. Он не имеет право разрушать нашу и без того не слишком сильную веру своими сомнениями и переживаниями. Иначе какой же он наставник? Я был лучшего мнения об Иове, ожидая, что он с философской улыбкой примет удары судьбы и покажет пример поведения святого...

В прошлом, даже в лучшие времена, мы приходили в беспокойство, если Иов выходил из дома, не лучась счастливой улыбкой. И всякая грусть в глазах наставника заставляла нас усомниться, все ли в порядке с его святостью. Я был уверен, что истинный святой каждую секунду своей жизни должен светиться радостью и умиротворением. Малодушие Иова разрушало мои представления о духовности: такая непростительная слабость!

В ужасе наблюдая из-за скалы за его криками, я поднял лицо к небу и спросил:

– О Господи, что происходит? Этот человек с рождения служил Тебе, а Ты послал ему кару хуже, чем самому последнему из грешников! И я не понимаю, почему за столько лет служения Ты не помог ему обрести должную стойкость и силу, чтобы он мог преодолеть испытания? А может, процесс служения Тебе не работает? Если даже он, мой наставник, в таком состоянии, то куда уж мне?

Я готов был заткнуть уши руками и бежать без оглядки домой, лишь бы не слышать больше увеличивающих мои сомнения криков Иова. Однако в эту минуту заговорил один из его друзей, молчаливо сидящий поодаль. Видимо, как и я, он не мог вынести неподобающего поведения всеми признанного святого. Это был Елифаз, известный в наших местах проповедник и знаток писаний:

– Иов, ты многих наставлял и поддерживал в часы испытаний, – начал он с похвалы, как и положено дипломату. – Ты помог стольким людям! Но сейчас, в минуту испытаний, ты сам упал духом. Ты должен верить, что твоя праведность защитит тебя. Знаешь, однажды я слышал от Бога откровение, что блажен человек, которого вразумляет Бог. Поэтому не отвергай Его наказания, ведь Он Сам причиняет раны и Сам их обвязывает. Он поражает, и Его же руки врачуют нас.

Елифаз успокаивал Иова с мастерством бывалого проповедника, и даже я заслушался его. Однако было очевидно, что на Иова, страдающего от гноящихся ран, философские речи не произвели впечатления. Ему трудно было принять утешение от сытого и цветущего здоровьем приятеля. Более того, как мне показалось, назидательный тон Елифаза только усугубил раздражение Иова и спровоцировал его вспомнить о роли Бога в его несчастьях:

– О, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое! – давясь рыданиями, с обидой прокричал ему Иов. – Оно, верно, перетянуло бы песок морей! Оттого слова мои неистовы. Ибо стрелы Вседержителя во мне. Ужасы Божии ополчились против меня! О! как бы я радовался, если бы Он простер руку Свою и сразил меня! Это было бы еще отрадою мне, и я крепился бы в моей беспощадной болезни, ибо не отверг Его наставлений! Откуда взяться силам у меня? Да и на что мне надеяться, чтобы продлевать эту бессмысленную жизнь?

Крики Иова свидетельствовали о его полном отчаянии. Моя надежда, что слова Елифаза помогут ему вернуться на путь истинный, оказалась тщетной. Я пожалел, что пришел в это место и стал свидетелем такого неприглядного малодушия. Впрочем, с другой стороны, это позволило мне понять, что я выбрал себе не того духовного наставника. Вероятно, мне следовало идти в услужение к Елифазу, который на деле оказался куда более религиозным.

Как обычный человек, Иов, вероятно, ожидал сострадания и моральной поддержки от друзей. Но назидания Елифаза вызвали у него горечь, и он закричал:

– Настоящие друзья должны с состраданием относиться к несчастному! Но вы, братья мои, не верные друзья! Увидели страшное и испугались! – в иступлении говорил он. – Разве я о чем-нибудь просил вас? Научите меня, и я замолчу. Укажите, в чем я нагрешил? Вы придумываете речи для обвинения? На ветер пускаете слова ваши!

Друзья Иова хмуро молчали, раздумывая, как помочь человеку, потерявшему последний разум. Как истинные праведники, они не имели право развернуться и уйти, оставив его. А Иов, видимо, совсем отчаявшийся, принялся обращаться к Богу:

– Не буду больше сдерживать свои слова! В своем горе буду жаловаться: разве я морское чудовище, что Ты поставил надо мной стражу? Когда подумаю: утешит меня постель моя, Ты страшишь меня кошмарными снами; и душа моя желает лучше смерти, чем такой жизни. Опротивела мне жизнь! Отступи от меня, ибо дни мои – суета. Доколе же Ты не оставишь меня в покое, доколе не отойдешь от меня, доколе не дашь мне проглотить слюну мою? Если я согрешил, то что я сделаю Тебе, Страж человеков? Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость?!

Отчаянный крик Иова потряс меня. Я в изумлении поднял лицо вверх и обратился к небесам:

– Как может образцовый праведник испытать такое отчаяние? Он так обижен на Тебя, что хочет навеки исчезнуть и не существовать более? Весьма странное решение... Никогда не смогу понять его.

Я не представлял, что можно было бы сказать человеку, находящемуся в таком умопомрачении. Но друг Виллад, славящийся на всю округу консервативным следованием традициям, веско остановил его зычным голосом:

– Сколько еще ты будешь говорить так, Иов? Слова твои как бурный ветер! Неужели ты сомневаешься в справедливости Бога? Дети твои, наверное, согрешили, вот Он и забрал их. А ты, если совесть твоя чиста, помолись Богу, и Он придет тебе на помощь!

Виллад долго и убедительно проповедовал Иову, что Бог еще даст ему познать человеческое счастье и накажет всех, кто сейчас злорадствует над ним. Но отчаявшийся Иов, чьи страдания были так реальны, а светлое будущее таким неправдоподобным, не был склонен доверять его утешениям. Его сердце разрывалось от тоски по умершим детям, а тело изводила непереносимая боль.

– Опротивела душе моей жизнь моя! Буду говорить в горести души моей. Скажу Богу: не обвиняй меня; объяви мне, за что Ты со мною борешься? Хорошо ли для Тебя, что Ты угнетаешь создание рук Твоих?!

Поскольку Иов не прислушался к аргументам двух своих друзей, третий его товарищ Софар тоже попытался вразумить Иова:

– Неужели ты думаешь, что твое пустословие заставит замолчать нас, чтобы ты глумился над Богом и некому было постыдить тебя? – веско сказал он строгим голосом, – Ты говорил: «Суждение мое верно, и чист я в очах Твоих». Но если Бог открыл тебе тайны премудрости, то тебе вдвое больше следовало бы понести! Так знай, что Бог для тебя некоторые из беззаконий твоих предал забвению. Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя? Он превыше небес – что можешь сделать? Глубже преисподней – что можешь узнать?

Софар, самый рассудительный логик наших мест, привел немало рациональных аргументов, чтобы убедить Иова, но и они не произвели сильного впечатления на моего наставника:

– Все, что говорите вы, я знаю и без вас! Я и сам говорил все это своим подопечным! С Богом бы я хотел говорить сейчас. А все вы бесполезные врачи! Лучше бы вы молчали! В этом была бы ваша мудрость. Хорошо ли вам будет, когда Он испытает и вас?

Этот вопрос заставил их задуматься. Что касается меня, то я даже и не сомневался, что точно не выдержу подобных испытаний и при первой же возможности уйду к Мардуку.

Еще долго раздавались в ночи стенания бедного Иова, пытавшегося доказать свою невиновность. Его друзья, уставшие от бесплодных попыток успокоить его по-хорошему, перешли к открытым обвинениям. Они прямо сказали Иову, что вся его позорная слабость – прямое доказательство его скрытых грехов, за которые он сейчас и страдает, наказанный Богом. Разозленный поведением Иова, Елифаз бросил ему вызов:

– Верно, злоба твоя велика, и беззакониям твоим нет конца! Верно, ты брал залогом от братьев твоих ни за что и с полунагих снимал одежду!

Лично я не видел, чтобы Иов занимался такими делами. Напротив, он даже отдал свою мантию мне. Но, слушая степенные, взвешенные доводы благочестивых праведников, я чувствовал, как мое сердце постепенно успокаивается. Конечно же, моя вера в нашего Бога не была напрасной. Вся проблема была именно в самом Иове! Очевидно, он втихомолку совершал какие-то грехи... Возможно, он только притворялся благодетелем вдов и сирот, а сам потихоньку присваивал себе их наследство?

Обретя внутреннее спокойствие, я решил вернуться в город, в свою лачугу и, как оказалось, поступил правильно. Добравшись до дома, я замертво упал на постель и крепко заснул.

Я проснулся от невероятного порыва ветра, сорвавшего с меня одеяло. Следом за ним раздался удар грома. Внезапно налетевший ураган подняли в темное небо тучи песка. Вскочив на ноги, я выглянул наружу и увидел, что происходит нечто ужасное: вся пустыня была погружена в непроглядную тьму. «Наверное, жалобы Иова накликali на нас гнев Божий. Надеюсь, я достаточно раскаялся в своем общении с Иовом, и беда обойдет меня стороной», – испугано подумал я. А буря набирала обороты, бушуя над пустыней.

Невозмутимость в счастье и горе

Все жители Уца были напуганы масштабами урагана, случившегося в ту ночь. К счастью, он бушевал в основном над пустыней, где находились Иов и его друзья. Никто не переживал за Иова, все решили, что это вполне справедливый конец для наказанного грешника. Однако утром, когда буря утихла, город поразила сенсационная новость: Иов, чудесным образом излечившийся от проказы, возвращался в Уц в сопровождении своих друзей.

– Что происходит? – спросил я своего убегающего соседа.

– Говорят, Бог говорил с Иовом! – радостно крикнул он мне на ходу. – Говорят, Он приказал его друзьям попросить у него прощения и сделать ему подношения!

Услышав эти слова, я почувствовал себя так неуютно! Только вчера я принял решение осудить своего наставника как последнего грешника. А тут оказалось, что мое осуждение было немного поспешным. Я не решился выйти к Иову навстречу, но долго расспрашивал тех, кто видел его:

– Он, правда, избавился от проказы?

– Как будто ее и не было!

– Как же это случилось?

– Сам Вседержитель явился ему в урагане и исцелил его. Он доказал, что заботится о своих слугах, а также наказал всех, кто смеялся над Иовом!

Чувство вины терзало не только меня. Пристыженные друзья и родственники Иова принесли ему часть своих богатств, и вскоре имущество Иова стало еще больше, чем прежде. Я постоянно думал о том, что произошло. То, что случилось с Иовом, доказало мне, что предан-

ный Богу человек в конечном счете преодолеет испытания и получит награду от Бога. Жена Иова была в положении, и вскоре у них родилась красивая дочь. Похоже, жизнь восстанавливалась. А я все размышлял, для чего же Бог устроил для святого этот нестерпимый урок, сначала лишив его всего, а потом щедро одарив новыми достояниями?

Спустя год я решился снова прийти к его дому. Как и прежде, Иов принимал калек, нищих и сирот, щедро одаривая их пожертвованиями. Его лицо было таким же благородным и спокойным, как и прежде, только больше седины появилось в густых волосах. Взгляд его черных глаз стал еще более безмятежным и глубоким. Увидев меня, он тепло улыбнулся:

– Почему ты так долго не приходил? – спросил он. – У нас появились новые овцы...

– Господин, я ... с радостью вернусь к вам! Я... так переживал, что не смог тогда сохранить ваших овец!

– Не переживай, это был умысел Господа, – улыбнулся он. – Ты не виноват. Господь пролил на нас свою милость, забрав все наши богатства.

– В чем же тут была милость? – решился задать я мучавший меня вопрос. – Овцы–то – ладно. Но ваши прекрасные дети... Ваши страдания?

Взглянув в мое обеспокоенное лицо, Иов ответил:

– Мое сердце подсказывало мне, что ты страдаешь от сомнений, сын мой, и я переживал за тебя. Милостивый Господь открыл мне, что мои испытания поколебали твою веру, и я должен помочь тебе. Я даже хотел послать слугу разыскать тебя. Но, слава Богу, ты сам пришел, чтобы я мог развеять твои сомнения.

– Да, это правда, – опустил глаза я. – Все эти события так смутили меня, что уже целый год я не могу молиться Богу. Я не понимаю, как Он мог так обойтись с вами. Я... боюсь служить такому Богу!

– Хотя Господь лишил меня всего, что я считал своим, – тихо сказал Иов, – все же Он одарил меня взамен намного большим сокровищем.

– Сокровищем?! А! Понимаю! За вашу праведность Он дал вам еще больше богатства?

– Это богатство невозможно измерить, – ответил Иов, и слезы заблестели на его глазах.

Я испугался. Возможно, я зря напомнил о страданиях, которые еще живы в его памяти? Вид плачущего мужчины всегда приводит в растерянность. Я пожалел, что полез к нему в душу.

– Простите меня, господин, я не хотел беспокоить вас! Простите, что напомнил вам о вашем горе и расстроил вас!

– Ты нисколько не расстроил меня, – улыбнулся Иов, глядя на меня блестящими глазами. – Господь, в самом деле, пролил на меня величайшую милость. Ради этого сокровища я готов постоянно терпеть новые и новые беды.

Я был ужасно заинтригован:

– Что же это за сокровище, мой господин? Вы имеете в виду прекрасную малышку Эмиму, которая родилась у вас несколько месяцев назад?

Иов испытующе посмотрел на меня, словно оценивая, способен ли я буду понять его мысль, и наконец сказал отчетливо и веско:

– Ни одно из благ этого мира не стоит того, что дает Господь, разрушая наши бранные богатства. Он дал мне Себя, Йоханан! Он говорил со мной! Он говорил со мной! – глаза Иова светились блаженством. – Слышать Его глубокий, божественный голос – это такое счастье, что я готов вновь и вновь терпеть новые страдания. По Его милости я осознал, что значит **невозмутимость и постоянство в счастье и горе**. Они приходят, когда мы получаем бесценный дар Его общения. Раньше я боялся за жизнь своих детей, за благополучие вверенных мне людей и за себя. Но милостивый Господь избавил меня от всех страхов, открыв истинное сокровище Своей любви.

Я смотрел на блаженное лицо Иова и не очень хорошо понимал его чувства. С одной стороны, меня радовало его хорошее настроение, но с другой стороны, его желание вновь терпеть лишения казалось мне результатом частичного помутнения рассудка после пережитого стресса.

– Ты думаешь, что материальное благополучие – это награда за служение Господу? – спросил меня Иов, словно читая мои мысли. – Раньше я тоже считал, что это главный итог праведности. Но я ошибался. Господь может пролить на нас Свою милость и в радостях, и в страданиях.

Я не стал спорить с Иовом, но про себя подумал, что лучше все-таки в радостях. Оставшись жить в его доме пастухом, я видел, как увеличивается его благосостояние. И как в то же время Иов остается полностью равнодушен к нему.

Я наблюдал за своим наставником и несколько вопросов не давали мне покоя.

Почему с этим благочестивым человеком случилось такое несчастье? Какую роль сыграли в его катастрофе его близкие друзья? Понятно, что они проповедовали ему с самыми благими намерениями... Но почему он рассердился на них тогда, когда они протягивали руку помощи? И почему он совсем не злится сейчас, а общается с ними с еще большей любовью?

На все эти вопросы мне предстояло получить ответы еще не скоро. Но сейчас благополучный конец злоключений Иова убедил меня, что религия моих предков истинна. Как только дела мои пошли в гору, я тоже принес в жертву овцу и стал мечтать о том, чтобы проводить многочисленные жертвоприношения, которые привели бы меня к вершинам процветания.

Глава 3. УБИЙЦА ДУШИ. ЖЕРТВА БУДДЫ

Царство Магадха.
438 год до нашей эры.

Только не Бог!

Я сидел под благоухающим жасминовым деревом и старательно пытался выполнять те дыхательные упражнения, которым меня научил последователь Сиддхарты Гаутамы несколько дней назад. Но мой ум никак не мог сосредоточиться на дыхании. Я постоянно путал правую и левую ноздрю, дышал слишком быстро и забывал считать время вдохов и выдохов. Мой ум метался по всей вселенной и никак не мог сосредоточиться на практике пранаямы²⁵. Он возвращал меня к событиям моей прошлой жизни и не соглашался останавливаться на настоящем. От усердных попыток побороть свой ум я дико устал, у меня разболелась голова. Если бы не страх перед кармой, я давно забросил бы это изматывающее занятие.

Но... мог ли я, вчерашний мясник, всю свою жизнь убивавший овец для подношений, оставить заботу о своем будущем после красноречивых проповедей бхикшу²⁶?

Я родился в семье мясника, и убийство животных было моей наследственной профессией. Быть может, как и все мои предки, я должен был со смирением принять свой жребий. Но что-то внутри меня не позволяло мне сделать это. С раннего детства я чувствовал горечь и гнев. Я завидовал тем, кто в силу высокого рождения с презрением опасался оскверниться моим прикосновением.

«Почему моя жизнь так неудачна? – с раздражением думал я, снося головы трепещущим овцам и козам. – Мои жилистые руки полны сил, а крепкое тело исполнено неистощимой энергии. Одним ударом кулака я легко убиваю крупное животное. Но при этом сильном теле мой удел жить как собака в полной зависимости от милости других! Питаться чьими-то объедками и уходить с дороги тех, кто выше меня по рождению!»

Всю свою жизнь я чувствовал обиду и гнев и с яростью вымещал их на попадавших в мои руки животных. Мой отец тщетно пытался успокоить меня. Он рассказывал мне о смиренном отношении к судьбе и добросовестном выполнении своих обязанностей. Он считал, что смиренное следование дхарме²⁷ позволит нам постепенно рождаться в более высоких кастах, а со временем достигнуть вечного царства Бога. Но меня не радовала такая перспектива.

Я достаточно настрадался от придирок хозяев, от презрения старших и от докучающих действий других существ! Поэтому мысль попасть в ВЕЧНОЕ общение с какими-то личностями не вызывала во мне ничего, кроме раздражения. Здесь в этом мире от живых существ я не видел ничего хорошего. А что будет, если эти беспокойства и трудности продолжатся в вечности и никогда не кончатся?.. Спасибо большое, но мне совсем не нужен ни Бог, ни Его царство, ни вечность.

Сама мысль о Боге, который каким-то произвольным образом обращается с нами и постоянно посылает нам одно страдание за другим, внушала мне глубокое отвращение. Я испытывал по отношению к Нему благоговейный страх, но если бы была моя воля... Он не вмешивался бы в мою судьбу, не контролировал бы мою жизнь и не заставлял бы меня терпеть лишения за лишением.

²⁵ Пранаяма – практика дыхательных упражнений.

²⁶ Бхикшу – монах в традиции буддизма.

²⁷ Дхарма – свод предписанных религиозных обязанностей.

Все Его адвокаты – священники и жрецы – не вызывали у меня ничего, кроме раздражения. Я страшно не любил отшельников и аскетов, бесполезно гоняющихся за иллюзорными миражами и своим видом гордо возвещающих о своем превосходстве над остальными людьми.

Но... тот молодой юноша Риши в желтых одеждах, однажды появившийся перед моим домом, внезапно изменил мою жизнь и перевернул мое сознание.

Отказ от насилия.

Еще несколько дней назад я, как обычно, занес топор над связанной овцой, готовясь отрубить ее белую голову. Но чья-то рука удержала мою, и удар пришелся мимо. С бешенством я обернулся и встретился взглядом с молодым человеком в желтых одеждах монаха. Я отшатнулся и вырвал руку, помня, что представители высших каст не должны касаться нас, неприкасаемых. Но странный монах вновь взял мою руку в свою и, решительно глядя мне в глаза, спросил:

– Зачем ты это делаешь?

– Что я делаю не так? – угрюмо спросил я, не ожидая ничего хорошего от монаха.

– Зачем ты губишь его и губишь себя? Зачем ты лишаешь его жизни, а себя лишаешь надежды?

– Я мясник. Вы что, не видите, уважаемый господин? – сквозь зубы спросил я. – Я выполняю свою дхарму.

– Нет, ты прокладываешь себе дорогу в ад, – серьезно возразил он. – За каждое страдание живых существ мы ответим своими страданиями. Остановись. Разве ты не знаешь ничего о карме?

– Я знаю только то, что по карме родился в этом положении и убивать животных – мой долг, – ответил я, выдергивая руку.

К своему удивлению, я не разозлился на этого юношу, чьи кости я вполне мог переломать одним ударом. Напротив, его взгляд и голос казались мне знакомыми. Словно когда-то, может быть, в забытом сне, я уже встречался с ним. Его кожа была светлой и золотистой, как у представителей высших сословий, черты лица – тонкими и благородными, а взгляд светился добротой.

Монах сел на землю и жестом правой руки предложил мне сесть рядом.левой рукой он ласково погладил по голове дрожащую овцу. Его глаза, устремленные на меня, были полны сострадания.

Тщательно подбирая слова, он стал рассказывать мне о законе воздаяния. Он так красочно описал мне адские рождения и страдания тех, кто причиняет боль другим, что я впервые сильно испугался и развязал овцу.

– Зачем вы все это рассказываете мне, господин? – недоумевал я. – Если верить вашим словам, то у меня нет никакой надежды. Если сосчитать всех животных, которых я убил, то мне не хватит и кальпы²⁸, чтобы отработать карму. Зачем мне знать о таком ужасном будущем?

– Надежда всегда есть. Ее приносят в этот мир сострадательные боддхисаттвы²⁹. Они приходят специально, чтобы освободить нас из круговорота сансары³⁰...

– Только не говорите мне о возвращении в царство Бога, – с раздражением перебил я, вспоминая слова отца. – Какой смысл избавляться от сансары, чтобы потом попасть в место, где ВЕЧНО придется терпеть волю Бога. Достаточно я настрадался от богов этого мира!

Молодой монах внимательно посмотрел на меня и мягко сказал:

²⁸ Кальпа – единица измерения, равная 4,32 миллиарда лет.

²⁹ Боддхисаттва – человек с пробужденным сознанием, стремящийся спасти всех живых существ из круговорота рождений и смертей.

³⁰ Сансара – круговорот рождений и смертей.

– Я понимаю. Ты боишься, что те же страдания, которые мы испытываем друг от друга здесь, продолжатся в ином мире... Но благородный Гаутама³¹ учит, что вырвавшись из сансары, мы растворимся в нирване³². И больше не будет ни боли, ни отношений, ни страданий... Наше Я навеки исчезнет, и вместе с ним исчезнут наши мучения.

Такая перспектива показалась мне интересной. Если после смерти нас никто не будет мучить и унижать, никто не будет командовать нами, никто не будет навязывать нам свою волю, то есть о чем задуматься... Моя гордость, не желавшая никакого начальства в вечности, была удовлетворена. Неужели возможно достичь состояния, когда никто не будет стоять над нами? Неужели я смогу сказать «нет» этому миру и Богу, постоянно чего-то требующему от нас?

Заинтересовавшись, я решил задать вопрос:

– Но если я совершил сотни убийств, придется ли мне столько же раз родиться, чтобы умереть от рук всех моих жертв? Только после этого я смогу исчезнуть в нирване?

Я подумал, что, если он скажет «да», за это дело даже нет смысла браться. Слишком много времени оно потребует...

Внимательно глядя мне в глаза, молодой монах медленно произнес:

– Если с этой минуты, когда ты получил полное знание, ты всем сердцем раскаешься и решительно встанешь на восьмеричный путь, принесенный милосердным Гаутамой, то он избавит тебя от тяжелого бремени кармы. Но ты должен со всей ответственностью отнестись к этому: никого больше не убивай и не совершай других грехов.

Я смотрел на него во все глаза:

– Разве может кто-то освободить нас от груза кармы?

– Практика благородного восьмеричного пути очистит тебя от греховных реакций, – убежденно ответил он. – Но никогда не возвращайся к прежнему. Не забывай слова благородного Гаутамы: «Мы учимся дхьяне³³ и пытаемся достичь самадхи³⁴, чтобы уйти от страданий земной жизни. Но если мы сами стараемся избавиться от боли, почему же мы причиняем ее другим? Пока мы не научимся владеть собой настолько, что даже самая мысль о жестокости и убийстве станет нам ненавистна, мы не сможем сбросить оковы земной жизни... После того как я достигну паранирваны³⁵ в последней эпохе, повсюду будут бродить духи и обманывать людей, и учить их, что можно есть мясо и все же стать Просветленным... Как может бхикшу, который надеется стать избавителем остальных, жить за счет плоти существ, наделенных чувствами?»³⁶

Самодисциплина.

Воодушевленный речами наставника, я спросил его, как практиковать благородный восьмеричный путь. В ответ Риши процитировал слова великого Будды:

*– Воздержание от совершения дурных поступков,
Поощрение всего, что является добродетельным, и
Укрощение своего собственного ума
Является учением Будды.*

Пристально глядя мне в глаза, мой наставник внушительно сказал на прощание:

– Всегда практикуй самодисциплину, отказываясь от всего неблагоприятного и принимая все благоприятное для просветления. Никогда не иди на поводу своего ума и чувств.

³¹ Гаутама – основатель буддизма Сиддхартха Гаутама Будда.

³² Нирвана – конечная цель буддизма, духовное самоуничтожение.

³³ Дхьяна – медитация.

³⁴ Самадхи – мистическое совершенство.

³⁵ Паринирвана – полное просветление.

³⁶ «Сурангама Сутра».

Осознавая, что таким шансом – освобождением от груза кармы – нельзя пренебрегать, я прилежно изучал все, чему он меня научил, остановившись на несколько дней в нашей деревне.

И вот теперь, после его ухода, я уединился в пальмовой роще и пытался практиковать то, чему научился. Заниматься пранаямой, контролируя свое дыхание, казалось мне невыносимо тяжелой задачей. Но еще более трудным делом была медитация. Хотя напоследок мой учитель посоветовал мне набраться терпения и не забывать, что только после многолетней практики я смогу достичь каких-либо существенных результатов, все же я хотел усилием воли побыстрее добраться до заветной цели. Я всеми силами отгонял навязчивые мысли и пытался сосредоточиться на мантре, но она упорно ускользала от меня. Уже после первых слогов мой ум улетал к вопросам о моем будущем. Чем, если не своей профессией, я смогу теперь зарабатывать на жизнь?

– Аум... а что скажет мой отец? Он никогда не одобрит мой отказ от семейной традиции. Аум... а как посмеются надо мной соседи! Они всегда завидовали моей силе. Что же будет, когда они узнают, что мне больше нельзя ее применять? Аум... мани падме... хум... Ох, и как же трудно контролировать свой ум! Аум мани падме хум!

Я упорно боролся, и тут к моим волнениям добавилось новое беспокойство. Облезлая серая кошка по имени Дина, живущая на краю деревни, неожиданно подошла к моему дереву, уселась напротив и начала мяукать. Она урчала и старательно привлекала к себе внимание, окончательно нарушив мою концентрацию. Несколько минут я пытался игнорировать кошку, но вскоре ее назойливое поведение вызвало во мне неодолимую ярость. Я впал в один из тех приступов бешенства, которые порой случались со мной. Красная пелена гнева затмила мой разум, и я вскочил на ноги. Схватив испуганную кошку за задние лапы, я размахнулся и изо всех сил ударил ее головой о камень. Раздался пронзительный визг и наконец–то противные звуки, мешающие моей концентрации, прекратились!.. Приступ ярости прошел, и я медленно вернулся в сознание. Я увидел свои толстые, покрытые густыми волосами руки, забрызганные ее темной кровью. Голова кошки безвольно лежала на траве в луже крови. Взгляд ее медленно угасал, пока зеленые глаза не остекленели навеки.

Ко мне возвращалась способность думать. Я с ужасом вспомнил слова Будды, переданные моим учителем:

– *Ум – главная движущая сила и предвестник всего.
Если говорить или действовать с жестоким умом,
Последует страдание, как повозка следует за лошадью...
Если говорить или действовать с чистым умом,
Последует счастье, словно тень, никогда вас не покидающая.*

Я вспомнил о карме, о своем решении встать на путь освобождения, об обещании никогда больше не совершать убийства...

– Нет, нет, – попятившись назад, я упал на траву. – Неужели теперь из-за этой кошки мне придется быть убитым? Как я мог так глупо забыть о том, чему меня учил бхикшу?

Убежав с той поляны, я долго мыл руки в реке. Кровь животных, к которой я привык с раннего детства, казалась мне сейчас каплями жуткой реки Вайтарани³⁷, в которой тонут грешники вроде меня. Собравшись с мыслями, я начал думать, что же мне предпринять. Я должен был отыскать монаха, который дал мне возможность встать на этот путь. Мне нужно было найти его, припасть к его стопам, попросить прощения и вымолить новый шанс на спасение. Возможно, по его благословию или по милости его учителя – блаженного Гаутамы – я смогу получить прощение за убийство и не понесу за него и за другие свои грехи столь страшную кару?

³⁷ Вайтарани – река, протекающая в адских мирах.

Терзаемый страхом и раскаянием, я покинул родную деревню и отправился искать своего спасителя. Расставаясь со мной, он сказал, что торопится присоединиться к великому Будде и его ученикам. А это значит, что мне нужно было отыскать самого Сиддхартху Гаутаму.

Я шел через деревни и леса, по дороге расспрашивая, где сейчас находится великий Гаутама и его ученики. Все это время мне приходилось питаться только фруктами, которые росли на деревьях. К счастью, приближался сезон дождей, и в это время манго и папайи, обильно растущие на деревьях, достигли своей полной спелости. Утоляя ими голод, я с удивлением понял, что могу прожить без мясной пищи. К тому же мысль о том, что мне необходимо узнать, простится ли мне мое преступление, подгоняла вперед и вливала в мое тело новые силы.

Я услышал, что блаженный Гаутама покинул любимый город Вайшали, простившись с большинством своих учеников, и отправился проповедовать по близлежащим городам и деревням. Говорили, что к восьмидесяти годам его здоровье ухудшилось. Но несмотря на это, он оставил спокойную жизнь в Вайшали и отправился к людям, желая помочь как можно большому количеству страждущих. Все, с кем я встречался, говорили, что это, возможно, последнее путешествие Будды. Ведь недаром, отправляясь в путь, он сказал своему любимому ученику Ананде:

– Мое странствие близится к концу. Как измученную клячу, можно заставить двигаться только с помощью хлыста, так и это тело можно заставить двигаться, только подхлестывая его. Но моя умственная и духовная энергия не слабеет.

Услышав эту новость, я испугался, что не успею встретиться с ним, и бросился вперед со всей скоростью, на которую был способен. Впрочем, не только я. Толпы желающих увидеть великого Просветленного покидали свои деревни и двигались на север.

О том, как страстно Чунда хотел послужить духовному учителю.

Я нагнал Будду и нескольких его близких учеников, когда он вошел в маленькую деревушку Пава.

Он сидел на широкой поляне, окруженный сотнями людей, пришедшими, чтобы услышать его последние напутствия. Я увидел хорошо сложенного человека с характерными для рода шакьев чертами лица. Все части его светящегося тела были пропорциональны, а благородное лицо отличалось утонченностью и аристократизмом. Несмотря на свои восемьдесят лет, он казался молодым и красивым. Он радостно улыбался и смеялся. Если бы я не слышал о постоянных приступах боли, терзавших его тело, я бы ни за что не поверил, что он нездоров. Будда сидел посередине поляны, излучая мягкое сияние, и отвечал на вопросы.

Устроившись неподалеку, я почувствовал, что необычная атмосфера, царящая вокруг, начинает оказывать влияние и на меня: в моем сердце воцаряются спокойствие и умиротворение.

Я слушал его плавную речь и ощущал, что все мои беспокойства уходят. Это удивительное состояние было так непривычно для меня, что я задремал, прислонившись к дереву, и очнулся только, когда Будда закончил говорить и направился к хижине.

Солнце уже клонилось к закату. Расспросив жителей деревни об их проблемах и нуждах, Будда ласково попрощался с каждым и скрылся в соломенной хижине, которую соорудили его заботливые ученики.

Я был раздосадован тем, что не успел задать свой вопрос, совершенно глупо погрузившись в дремоту, и решил расположиться на ночь где-нибудь поблизости, чтобы пробраться к Просветленному с утра пораньше.

Подойти к хижине слишком близко не удавалось. Как только Будда скрылся, его ученики принялись отгонять даже аскетов, стремящихся продолжить общение с ним.

– Как вы не понимаете? – с упреком говорил один из бхикшу. – Наш учитель болен. Он весь день был в дороге и встретился со всеми вами, даже не приняв пищи. Ему нужно отдохнуть!.. Хватит думать только о своем благе, пожалейте нашего учителя!

Недовольные аскеты отступили, возмущенно осуждая бхикшу, который не понимал их возвышенных стремлений и сводил дело к каким-то незначительным потребностям тела.

Слушая их разговор, я понял, что не так-то легко мне будет пробраться к Блаженному. Бдительные ученики преданно оберегали его покой.

Стемнело. Люди рассеялись, а ученики улеглись спать. Замученный комарами, я искал место поудобнее и наконец нашел. Но, к своему удивлению, я увидел, что был там не один. Под деревом, откинувшись на широкий ствол, дремал человек, судя по одеждам, как и я, принадлежащий к неприкасаемым.

Споткнувшись о его ногу, я выругался. Он проснулся.

– Что ты здесь делаешь, и кто ты такой? – свирепо спросил его я, недовольный тем, что чуть не сломал себе ноги.

– Я Чунда, кузнец этой деревни, – испуганно ответил он, вскакивая на ноги.

– И что же ты тогда не убираешься домой, если тебе есть куда идти, – возмутился я, не понимая, как может местный житель остаться на ночь на открытом воздухе. – Чего сидишь тут?

– Тише, – прошептал он, прикладывая руки к губам. – Ты сейчас всех разбудишь... Я жду. Я хочу первым увидеть великого Будду.

– У тебя дело к нему? Ты тоже хочешь что-нибудь спросить? – понимающе осведомился я.

– Нет. Я... я хочу пригласить его на обед в мой дом. Я хочу первым успеть сделать это.

– Ты?! – изумился я. – Где это видано, чтобы святые ели в доме кузнеца? Отшельники принимают пищу только из рук дваждырожденных!

– Но наш учитель не таков! – в глазах старого кузнеца сверкнула гордость. – Он не делит людей на касты и сострадает каждому. Не раз он принимал пожертвования из рук низко-рожденных и одаривал их своими благословениями... Ты слышал историю про нищего мальчишку?

– Нет, ничего об этом не знаю.

– Когда жители одной из деревень спешили со своими подарками к Блаженному, среди них был один нищий мальчик. Он не имел ничего, что бы мог предложить Просветленному. Но очень хотел что-нибудь дать ему. Собрав с дороги пыль, он предложил ее лучшему из рода шакьев.

– И?

– Ученики Будды возмутились, но Милосердный остановил их. «Мальчик с любовью поднес мне пыль, о Ананда, – сказал он своему брату. – За это он получит благословение и в следующей жизни родится великим императором, который распространит мое учение во все стороны света³⁸». Такое благословение он дал этому ребенку!

– Ушам своим не верю! – удивился я. – Неужели он так добр и так легко можно получить его милость?

– Да, о брат, – закивал Чунда. – Поэтому много лет мы с женой мечтали принять его в своем доме. И вот сегодня неожиданно удача улыбнулась нам. Он сам пришел в нашу глухую деревню! Я буду сидеть здесь всю ночь. Надеюсь первым пригласить его на обед.

– Ты очень умен, – с восхищением уставился я на кузнеца. – Если тебе повезет, то ты легко решишь все проблемы, которые тебе суждены по карме. Ты получишь благословения Великого Будды! Слушай, окажи мне милость. Если Будда согласится принять твое предложение, позволь мне как-нибудь помочь тебе, например, наколоть дрова, на которых твоя жена приготовит для него обед?

Кузнец с сомнением посмотрел на меня, задумался, почесал затылок.

³⁸ История прошлой жизни императора Ашоки.

– Ладно, – сказал он наконец. – Великий Будда учит нас милосердию. Если я помогу тебе, завтра, может быть, мне повезет...

Обрадованный, я поблагодарил его и задремал, убаюканный стрекотом сверчков. Утром меня пробудило нежное пение птиц и какие-то странные звуки. Открыв глаза, я увидел, что Блаженный Гаутама вышел на порог своей хижины. И в ту же минуту перед ним оказался недремлющий Чунда. Упав на колени, он вознес почтительные приветствия.

Блаженный смотрел на него, широко улыбаясь.

– Что привело тебя ко мне в этот ранний час? – спросил он Чунду.

– О Бхагаван, я прошу вас прийти на обед в наш дом, – умоляюще вскричал кузнец.

– Но мне почти ничего нельзя есть, – развел руками Гаутама.

Стоявший за его спиной Ананда грозно сверкал глазами, пытаясь испепелить кузнеца взглядом.

– Я всю жизнь мечтал накормить вас в своем доме, – заплакал несчастный Чунда. – Я не спал всю ночь, поджидая этот час! О горе мне! Судьба так жестока!

– Не плачь, я приду сегодня на обед в твой дом, – с нежной улыбкой ответил Будда. – Иди и скажи своей жене, чтобы начинала готовить.

Не успел Чунда произнести слова благодарности, как за нашими спинами раздался шум. К хижине подъехала королевская колесница, с которой сошел правитель этих мест. Спешившись, он распростерся в поклоне перед Буддой:

– Приходи, о Бхагаван, я приглашаю тебя в свой дворец. Окажи мне честь, пообедай у меня.

Краем глаза взглянув на кузнеца, Будда ответил:

– Сегодня не получится. Я уже принял другое приглашение.

Лицо царя помрачнело. Он специально встал очень рано, чтобы пригласить высокочтимого Будду первым.

– Не расстраивайся, – ободрил его Будда. – Мои ученики придут в твой дворец на обед, но я уже обещал быть в гостях у другого человека.

Лицо Чунды просияло, в то время как лица Ананды и других учеников Будды вытянулись. Им не только придется смириться с тем, что их больной учитель пойдет в какой-то подозрительный дом, но у них даже не будет возможности сопровождать его и заботиться о нем.

Я поспешно бросился следом за кузнецом, напомнив ему о данном мне обещании. Его глиняная мазанка стояла на самом краю деревни. Из всех жилищ этой местности она выглядела самой нищей и неухоженной. Жена Чунды, такая же худая, как и он, радостно всплеснула руками, вознесла благодарность богам и поплелась на кухню. Я с недоумением оглядывался по сторонам. В доме Чунды не было ни рисинки.

– А чем ты собираешься кормить Блаженного, о почтенный? – удивился я, не заметив ничего съедобного.

– Сейчас я сбегая в лес и наберу грибов, – ликовал тот. – Благодаря обильным дождям, они выросли большими и толстыми. Моя жена умеет их превосходно готовить. Ты увидишь, мы постараемся порадовать Блаженного.

Я лишь пожал плечами.

– Ради такого гостя не жалко зарезать лучшую из овец. Так бы поступил я, будь я у себя дома.

– Ты что! – замахал руками Чунда. – Не допускай даже мысли об этом. Блаженный никогда не станет есть мясо. Лучше помоги найти сухие ветки, чтобы разжечь огонь. Нам нельзя терять время.

Я раздобыл сухие ветки и присел отдохнуть, пока жена Чунды колдовала на кухне, отмачивая и отваривая грибы. В доме кузнеца не было даже масла, и потому я сильно сомневался, что может получиться какое-нибудь приемлемое блюдо.

О том, какие аскезы приходится совершать учителям, чтобы не расстраивать учеников.

Вскоре Чунда отправился за Буддой и привел его в свой дом. Я присел на улице. Странно было видеть, как этот излучающий сияние принц, прославленный мудрец и великий святой входит в темную полуразвалившуюся мазанку Чунды. Сквозь широкие трещины в стене мне было прекрасно слышно и видно все, что там происходило.

Чунда и его жена радостно усадили Будду на соломенную подстилку и на широком пальмовом листе положили перед ним мелко нарезанные, отваренные и посыпанные специями кукармутты, а также несколько кусочков банана. С их точки зрения, это был целый пир.

Будда съел несколько кусочков бананов, но не притронулся к грибам.

Кузнец и его жена обеспокоенно переглянулись.

– Попробуйте это блюдо, – попросил Чунда. – Моя жена очень старалась приготовить его как можно вкуснее.

– Доктор сказал, что с моим пищеварением не стоит есть кукармутты, – мягко улыбнулся Будда.

Услышав эти слова, жена Чунды залилась слезами.

– У меня такое плохое сознание! – всхлипывая, произнесла она. – Поэтому наш гуру махарадж не хочет отведать приготовленные мною блюда!

Будда посмотрел на нее с состраданием и запустил руку в кукармутты. Он начал кушать их с огромным аппетитом и не уставал хвалить:

– Восхитительно! Никогда не ел столь вкусных грибов! Как вы их приготовили?

Чунда и его жена счастливо переглядывались и рассказывали о тонкостях приготовления кукармуттов. Похоже, грибы понравились Будде так сильно, что он съел все до малейшего кусочка и ничего не оставил на пальмовом листе.

Закончив свой обед, он тепло поблагодарил хозяев и вышел из хижины. Чунда до сих пор не верил своей удаче. Безумно довольный, он отправился проводить Будду до места его стоянки.

Я зашел в хижину, надеясь получить хоть какой-нибудь остаток трапезы Блаженного. Так я мог бы почистить свою карму и обрести благочестие.

Жена Чунды вытирала слезы радости.

– Ты хочешь доесть за ним пищу? – поняла мои намерения она. – Но Бхагавану так понравились моя стряпня, что он съел все. Впрочем, ты так старался, помогая мне с дровами! Ты можешь облизать за ним лист.

Она ловко разорвала на две части банановый лист, с которого ел Будда, и протянула одну половинку мне. Я поспешно лизнул его, ловя языком остатки жидкости. К моему удивлению, несколько капель на листе были нестерпимо горькими. И я засомневался в том, было ли так вкусно это блюдо, как его хвалил Блаженный. Возможно... он съел все дочиста, чтобы Чунда не смог попробовать остатки и понять, какую гадость приготовила его жена? Наверняка он съел их вовсе не из-за дивного вкуса... Ох и не завидую же я этим духовным учителям, которым иногда приходится есть невзвесть что, жертвуя своим здоровьем, лишь бы не ранить чувства учеников...

Вскоре вернулся и Чунда. Поблагодарив его за предоставленную возможность послужить, я отправился к тому месту, где Будда должен был начать свою сангу³⁹.

Подойдя к лагерю Будды, я увидел, что все его вернувшиеся из дворца ученики чем-то обеспокоены. Я услышал, что внезапно Будде стало очень плохо и им пришлось послать за врачом. Встревоженный царь прислал своего личного целителя. Тот внимательно послушал пульс Будды и спросил, что он ел сегодня.

³⁹ Санга – общение, собрание.

– Кукармутты? – вскричал врач испуганно. – Но они же становятся очень ядовитыми в этот сезон! О господин, если вы ели их в полдень, то яд уже попал в кровь и начал действовать! Теперь уже слишком поздно!!!

Какой крик подняли ужаснувшиеся ученики! Я спрятался в кустах, от всего сердца надеясь, что никто не узнает о моем участии в процессе приготовления грибов.

– Нужно убить этого негодяя! – в отчаянии кричали бхикшу, глядя в бледное, как полотно, лицо своего учителя. – Он убил величайшую душу в мире! Он уничтожил олицетворенное сострадание! Он должен быть наказан!

Я подумал, что они разорвут беднягу Чунду на куски. Но Будда умиротворяюще поднял руку и остановил их.

– Ананда, – обратился он к старшему из учеников. – Чунда – это необычный человек, исключительный человек. Ведь первую пищу мне дала моя мать, а последнюю – он. Моя мать помогла мне вступить в этот мир, а кузнец помог мне вступить в иной мир. Вы должны к нему относиться с уважением.

– Это уж слишком! – вскричал Ананда. – Уважать его и поклоняться, как твоей матери! Он убийца, которого необходимо покарать!

Однако Будда слабым, но властным голосом остановил его:

– Я знаю, что вы хотите убить этого несчастного, но сделайте так, как я вам говорю. Это великая алхимия! Даже если Будде дадут яд – из него должна выйти любовь! А теперь нам не нужно терять время, мы должны продолжить наше путешествие.

– Куда же вы хотите пойти? – еле сдерживая слезы, спросил Ананда.

– В Кушинагар, – ответил Гаутама.

Мне показалось, Будда, который не мог стоять на ногах от слабости, специально приказал продолжить путешествие, чтобы увести своих последователей подальше от Чунды и чтобы кузнец не винил себя, созерцая уход учителя.

Я испытывал смешанные чувства. С одной стороны, мне хотелось отколотить глупого кузнеца, не придумавшего ничего лучшего, чем накормить своего великого гостя ядовитыми грибами. С другой стороны, я думал, что, узнав о случившемся, Чунда наверняка накажет сам себя больше, чем это может сделать кто-то другой.

Сопровождаемый ближайшими учениками, а также рыдающими местными жителями, Будда из последних сил двинулся на северо-восток. Весть о его скорой смерти молниеносно облетела округу. Со всех сторон к нему стекались толпы людей, желавших проводить его в последний путь. В сопровождении огромной и постоянно растущей рыдающей свиты Будда медленно, иногда теряя сознание, шел к Кушинагару. Лесные тропы были полностью размыты ливневыми дождями. Мы двигались насквозь промокшие и по лодыжки в воде. Даже мне, здоровому человеку, поход под холодными мелкими струями, непрерывно бьющими по голове и плечам, казался мучительным испытанием. Что же чувствовал Гаутама, чье тело горело в лихорадке от бродящего в нем яда, когда он передвигался в шуме и холоде летнего ливня? Зачем он не остался на месте, а двинулся в этот тяжелый путь? Как мог он, промокший до нитки, не принимающий пищу и воду, беспокоиться об оставшемся позади Чунде? По пути он поручил Ананде утешить злосчастного кузнеца и попросить его не скорбеть о случившемся.

Издали наблюдая за его страданиями, я думал: «Неужели он и в самом деле сумел простить человека, причинившего ему такую боль? Неужели прощение возможно? Неужели кто-то может простить убийце собственную смерть?» Видя, как ученики кипят от гнева, Будда терпеливо объяснял им, что Чунда совершил свое преступление неумышленно. Хотя сам поступок был греховен, намерения оставались чисты и основывались на любви. Будда принимал только любовь.

Смерть Будды.

Добравшись до окраины Кушинагара, маленького селения, состоявшего из горстки глиняных мазанок, Будда вошел в лесную рошу и прилег на каменной скамье.

– Ананда, пришло время прощаться, – тихо сказал он своему другу и ученику. – Запомни, вы не должны отвлекаться на заботу о моем теле, когда я покину его. Просто отдайте его местным жителям, чтобы они поступили с ним в согласии с обычаями. А сами продолжайте заниматься практикой.

– О нет! – заплакал Ананда, отвернувшись.

– Не стоит печалиться, Ананда, – безмятежно продолжал его учитель. – Такова уж природа этого мира. Со всем, что нам близко и дорого, рано или поздно придется расстаться. Долгое время, Ананда, ты делом, словом и мыслью выказывал мне неизменную и искреннюю любовь и доброту. Поддерживай свою практику. И ты обязательно освободишься от страданий.

Понимая, что близится последнее мгновение, люди окружили Будду плотным кольцом, жадно впитывая каждое слово. Гаутама дал последние наставления своим последователям и спросил, есть ли у них какие-то сомнения, которые при жизни он может разрешить. Ответа не последовало. Ученики еле сдерживали слезы и не могли произнести ни слова.

– Всему обусловленному неотъемлемо присуще разрушение. Усердно стремитесь к цели, – сказал свое последнее напутствие Будда и, закрыв глаза, погрузился в медитацию.

Он лежал, окруженный тысячами живых существ, пришедшими, чтобы попрощаться с Просветленным перед его уходом в нирвану. Высокие деревья осыпали его цветочными лепестками, а люди и животные проливали слезы, не сводя глаз с его умиротворенного светящегося лица. Как и многие другие, я забрался на дерево, чтобы получше наблюдать за происходящим. Я был опечален не столько уходом Будды, сколько тем, что так и не успел узнать, что со мной будет. Я наблюдал, как скорбят животные: слоны, лошади, олени, коровы и козы. Тогда я впервые осознал, что они так же, как и я, являются живыми существами, способными чувствовать. Я со всей остротой понял, что убивал не нечто неживое, а себе подобных. Раскаяние и ужас охватили мое сердце. Как мог я находиться в такой темноте и равнодушно причинять муки живым существам? Сколько животных я погубил! Сколько съел! Я переживал в своем сердце сильнейшее раскаяние.

В этот момент Будда сделал последний вздох. После этого никто уже не сдерживал громких рыданий. Горько плакали и люди, и животные. Я поднял глаза и увидел, что только одно существо бесстрастно наблюдает за происходящим. Маленькая серая кошка спокойно сидела возле его ближайших учеников. Я вспомнил ее соплеменницу, смерть которой вынудила меня совершить это долгое путешествие, и задрожал. Возможно, эта кошка была символом моих будущих страданий?

К счастью, в эту минуту я увидел среди прибывших учеников того самого бхикшу Риши, который когда-то первым просветил меня. Внезапно появившийся в толпе, он был словно послан судьбой, чтобы помочь в моем смятении. Я быстро пробрался к нему.

– Господин, какая удача для меня встретить вас!

– А-а, ты тоже здесь? – удивился он.

Тень печали, лежавшая на его лице, исчезла. Он искренне обрадовался, увидев меня.

– Как ты здесь оказался?

Я сбивчиво рассказал о цепочке событий, последовавших после его ухода, и напоследок жалобно спросил:

– Неужели из-за убийства этой кошки все мои усилия и мой путь к освобождению бесполезны? Неужели теперь вся моя карма вернется ко мне? Теперь я буду убит бесчисленное количество раз? Неужели я обречен на вечные страдания? Учитель! Возможно ли мне изменить мою карму?

– Наш блаженный учитель, – ответил Риши, – говорил об этом так: «Даже я – Будда – не могу ни смыть с кого-то деяния, ни стереть страдания существ рукой. Но, хотя я не могу

передать свое постижение другим, я могу привести их к освобождению своим учением». Следуя за знанием и совершая правильные действия без привязанности к их плодам, ты сможешь преодолеть свою карму.

– Но как же быть с тем, что я из-за жуткой привычки совершил такую ужасную ошибку? – с отчаянием вскричал я.

– Тот, кто идет по пути освобождения, неизбежно будет совершать ошибки, – успокоил меня бхикшу. – Но главное, что ты встал на него и исполнен решимости пройти до конца. Бхагаван Гаутама учил нас: «Существуют только две ошибки, которые может совершить человек на пути к истине: он не проходит весь путь или не начинает свой путь». В конечном счете, твоя ошибка подстегнула тебя к правильному действию. Ты столько прошел, чтобы получить сангу великого Боддхисаттвы. В конечном счете, эта кошка была не только твоей жертвой, но и твоим гуру. Она научила тебя видеть жизнь в других существах. И, хотя последствия наших грехов будут продолжать приходить к нам, все же они не станут для нас препятствием. Хорошо, что ты так раскаялся. Но больше не думай о прошлом. Сосредоточь свой разум на практике. Остайся в санге.

Слушая уверенный голос своего наставника, я почувствовал, что мой дикий страх проходит. Я решил последовать его совету и остался жить в санге, чтобы слушать учение архатов⁴⁰ и следовать их наизиданиям.

После ухода Будды в паринирвану они аккуратно передавали его наставления из уст в уста и ревностно проповедовали учение.

Я также решил, что смысл моей жизни – тщательно запомнить все сказанные Гаутамой слова и без искажений донести их до других. Я верил, что нет на земле учения более милосердного и сострадательного, чем наше.

Впрочем, одна мысль смущала меня. После смерти Будды начали распространяться слухи о том, что кузнец Чунда был в стоворе с завистниками Будды и специально накормил его ядовитыми грибами. Мнения учеников Будды разделились. Некоторые настаивали, что Чунда – убийца, и требовала возмездия.

Я задумался: «А что, если бы на самом деле Чунда накормил Будду с намерением отравить его, мог бы блаженный простить его? Способны ли святые проявлять милосердие не только к невинным людям, но и к тем, кто осознанно причиняет им зло?»

Мне хотелось понять границы милосердия святых. Ведь проповедь милосердия Будды постоянно повторялась его последователями:

*– Не позволяйте никому обманывать других
Или презирать кого-то где бы то ни было,
Или из-за возмущения или раздражения
Желать, чтобы другие страдали.
Как мать готова рисковать жизнью,
Защищая своего единственного ребенка,
Так нужно развивать безграничное сердце
По отношению ко всем существам.
С доброй волей ко всей вселенной
Развивайте безграничное сердце:
Вверху, внизу, и повсюду вокруг,
Без ограничений, враждебности или ненависти.
Нужно с решимостью об этом помнить.
Это называется высшим пребыванием
Здесь и сейчас.*

⁴⁰ Архат – человек, достигший просветления и вышедший из колеса перерождений.

*Непредубежденный во взглядах,
Добродетельный и искусный в видении,
Подчинив желание чувственных удовольствий,
Больше никогда не окажешься в утробе.⁴¹*

⁴¹ «Карания метта сутта».

Глава 4. ФАРИСЕЙ. УРОК ИИСУСА.

Иудея.
33 год.

О том, как печалют нас дети, не следующие по нашим стопам.

В этой жизни я родился в семье благочестивого фарисея⁴² и с детства изучал священные писания иудеев. Повзрослев, я обучал людей Торе и объяснял ее истинный смысл. Моя жизнь с женой и сыном протекала в обычных заботах и трудах, и я был вполне доволен ею. Я мог бы считать себя счастливым человеком, если бы одно постороннее вмешательство не разрушило все мои планы...

В этот вечер на улице стояла прекрасная погода. Теплый ветерок доносил в дом ароматы распускающихся роз и миндаля. Моя дорогая жена Рами весь день хлопотала на кухне, приготовив мои любимые блюда.

Но ни умиротворяющая тишина вечера, ни замечательный ужин не могли успокоить мой гнев. Я мрачно молчал, шагая по комнате и время от времени посматривал в окно. Впрочем, можно было смотреть туда целую вечность. Ожидание тянулось бесконечно долго. Наш сын Алтер и не думал возвращаться домой.

Моя дорогая жена тихо сидела в углу и не осмеливалась вымолвить ни слова. По моему поведению Рами догадывалась, какая ярость клокочет у меня внутри, и предпочитала не накалять обстановку. Кто кроме нее мог понять глубину моего разочарования и горя?

Есть ли худшее наказание для человека, чем то, которое обрушилось на мою голову? Смысл всей моей жизни, мой единственный горячо любимый сын, ради которого я совершал каждый свой вздох, принес мне самую большую боль в моей жизни. Он отверг путь своих предков, оставил религию своих родителей и... стал членом самой позорной секты Иудеи!

С самого его рождения я растил моего мальчика с величайшей любовью. Я гордился каждым его шагом и не жалел средств на образование и воспитание. Он подавал большие надежды. Алтер намного опережал в развитии своих сверстников. Он на лету схватывал все тонкости религиозной науки и совершал свои молитвы с неподдельной искренностью. Все мои друзья говорили, что Господь послал мне необычного сына. Я гордился им!

Как я мечтал, что он вырастет достойным фарисеем и прославит наш род! Какие планы на его жизнь я строил! Как старательно я обучал его всем тонкостям нашей религии! Как я надеялся, что он пойдет по моему пути и своим благочестием принесет мне радость в вечности! Бог послал мне только одного ребенка, и все свои чаяния и надежды я связал с ним одним. Сколько бессонных ночей я провел у его кровати, когда он болел! Как я молил Господа сохранить его жизнь! Мог ли я представить, что роковая встреча с назаретянином одним ударом разрушит все мои надежды и мечты? Мог ли я представить, что мой умный хорошо воспитанный ребенок попадет под влияние бессовестного шарлатана и свяжется с плохой компанией?

Мое сердце обливалось кровавыми слезами. Я не понимал, за что Господь Израиля покарал меня так сурово. Как я, учитель-фарисей, всю свою жизнь просвещавший народ и проповедовавший учение Моисея, посмотрю в глаза своим соседям? Что скажут они, когда узнают, что рабби Йоханан, учивший весь мир, не смог научить своего единственного сына?

О, почему же у всех моих друзей, которые не следовали так строго закону Моисея, родились дети как дети, а мое любимое чадо встало на ложный путь?

⁴² Фарисеи – религиозно-общественное движение Древней Иудеи, популярное в среде еврейского народа и противопоставлявшее себя партии аристократов – саддукеев.

Уже много дней я не смел показаться на глаза своим друзьям. Разве хватит у меня сил предстать перед судом праведных иудеев? Какую ошибку я допустил в своем воспитании? Быть может, я слишком сильно любил своего сына и баловал его? Если бы я мог все переиграть, то, несомненно, был бы с ним более строг... Но какой смысл размышлять об этом?

Прошлого не вернуть... А ведь именно я по собственной глупости послал своего Алтера к этому ужасному шарлатану, околдовавшему его незрелый ум!

Это случилось не так давно. Несколько дней подряд слуги болтали между собой о том, что в Иерусалим приехал могучий лекарь из Назарета. Они рассказывали нелепые истории о чудесах, но я лишь посмеивался над их суевериями. Однако, когда наша соседка Ребекка, хромавшая уже двадцать лет, влетела к нам в гости, как юная девочка, и взахлеб рассказала о своем исцелении, мы не могли не удивиться. Как и положено, я постарался быстро забыть об этом. Но моя дорогая Рами уже много лет страдала суставными болями, начинавшимися при первых признаках дождя. Она вообще не переносила сырость и холод. Ни один из врачей, к которым мы обращались, не мог решить эту проблему. И тут в ее глазах загорелась надежда...

Несколько дней она уговаривала меня сходить на городскую площадь, откуда вернулось уже столько счастливых и исцеленных людей. Я не мог ей отказать. Но, как фарисей, я не хотел ронять свое достоинство, появляясь в толпе невежественных бедняков, калек и нищих. И я совершил величайшую глупость в своей жизни, отправив туда Рами в сопровождении нашего юного сына!

Вечером Рами была довольна. Ее боли полностью прошли, и она даже уговаривала меня пойти подлечить мою печень. Помня, что назаретский колдун не слишком вежливо отзывается о фарисеях, я отказался от этого совета и вознес Богу благодарственную молитву за исцеление жены. Если бы я знал, что именно в тот час в сердце моего шестнадцатилетнего мальчика были посеяны первые семена предательства! Его юный неокрепший ум попал под влияние этого шарлатана. Впечатленный массовыми чудесами, втайне от нас он стал посещать его собрания!

Скрипя зубами, я проклинал себя за то, что позволил своей семье встретиться с еретиком. Вот за это-то, наверное, и наказал меня Всемогущий Господь Израиля.

Сегодня к моим беспокойствам прибавилось новое. Я узнал, что синедрион⁴³, возмущенный последними действиями назаретского смутьяна, решил принять меры, чтобы расправиться с ним. И я переживал, что во время облавы на вероотступника и его последователей мой сын тоже будет схвачен и брошен в тюрьму. Я понял, что именно сегодня должен серьезно поговорить с ним и защитить его от ужасной участи. Однако характер моего избалованного чада был таков, что он не принимал ничего из страха или почтения. Чтобы переубедить его, я должен был воззвать к его разуму. Поэтому, подавив свой гнев, я приготовил все самые рациональные аргументы.

Время тянулось невыносимо долго, и я уже хотел отправиться на поиски любимого сына, как вдруг наконец—то он появился на пороге. Каждый раз, когда я видел его высокую стройную фигуру и красивое, такое же, как у его матери, лицо, мое сердце таяло от любви и нежности. О, каким же чудесным сыном одарил меня Господь! И будь проклят мошенник из Назарета, заморочивший ему голову!

Так в чем же цель религии?

— Как же поздно ты ходишь по ночам, сын, — поднимаясь ему навстречу, сказал я с упреком. — Мы с матерью так волновались за тебя!

— Ты же сам учил меня, отец, что Господь защищает того, кто идет путями Его, — услышал я серьезный ответ. — Не стоит вам волноваться обо мне.

⁴³ Синедрион – совместное заседание, в Древней Иудее высшее религиозное и судебное учреждение, состоявшее из 23 человек.

– Если бы ты шел Его путями! – с горечью сказала Рами, вытирая мокрые глаза. – А ты ведь встал на путь отступников!

Как и всегда, Алтер был задет нашим отношением к его выбору. Стараясь сохранять сыновью почтительность, он все же возразил:

– Я встал на тот путь, который был предначертан нашему народу пророками древности. Я пошел за мессией, которого наш народ ждал так давно. Его путь – истинный. Он – сын Божий.

– Алтер, остановись! – воскликнул я, не в состоянии больше терпеть этот бред. – Назаретский мошенник показал людям свои чудеса, которые идут не от Бога, а от Сатаны. И этим ввел тебя в заблуждение!

Глаза Алтера стали красными. Он глубоко вздохнул и сказал как можно спокойнее:

– Дорогой отец, меня привлекли совсем не чудеса исцеления, которые он явил. Хотя это тоже свидетельствует о его божественной природе... Но меня привлекла глубина учения. Ты же знаешь, что я превосходно освоил писания фарисеев. Но, услышав его учение, понял, насколько оно превосходит наше!

Слышать эти слова мне было невыносимо больно. Я еле сдержал себя и, тяжело дыша, спросил:

– Ну и чем же лучше его учение нашего?

– Он не боится говорить истину и открыто бросает вызов устаревшим и ложным воззрениям нашего общества!

Так! Теперь мне стало понятно. Как это свойственно молодежи, мой сын привлёкся революционными идеями мошенника, позиционировавшего себя борцом за истину...

– Алтер, – мягко обратился я к нему. – А разве мы, фарисеи, не боролись за истину всю нашу жизнь? Разве мы не пытались очистить религию Авраама от ложных изобретений, надуманных саддукеями⁴⁴? Вспомни, когда саддукеи–священники захватили царскую власть, кто осмелился восстать против них? Саддукеи хотели наслаждаться положением духовных лиц и одновременно держать в своих руках административное управление. Но мы сказали, что не может человек быть и первосвященником, и царем в одном лице. Мы указали на то, что священник должен учить народ религии и возносить молитвы Богу, а царь с копьем в руках проливать кровь врагов, защищая благо народа. Разве не мы увидели эту роковую ошибку и боролись за разделение ветвей власти? Кто, если не мы, спас народ Израиля?

– Я понимаю, – склонил голову мой сын. – Весь народ почитает вас. Но правильная организация общества – это еще не самая главная заслуга перед Богом...

– А это разве наша единственная заслуга? – вскипел я. – А кто защитил народ Израиля от костного и слепого следования заповедям Моисея? Когда саддукеи отстаивали жестокий Моисеев закон, разве не мы боролись против них? Например, согласно Торе, такой отец, как я, имеет право убить непослушного сына вроде тебя. И сколько молодежи было погублено саддукеями! Разве не мы увидели, что наш народ находится на грани уничтожения, и ввели ограничения на исполнение этой заповеди? Мы придумали множество оговорок, таких как: согласие матери на убийство сына, здоровье обоих родителей, требования о том, чтобы оба не страдали каким–нибудь уродством, были достойны друг друга и обладали одним и тем же тембром голоса... Поскольку крайне редко все эти условия бывают одновременно выполнены, соблюдение заповеди стало невозможным. Так хитростью и разумом мы спасли столько жизней! С помощью разумных интерпретаций и комментариев мы сумели обезвредить все суровые законы Торы и облегчить людям жизнь. Неужели ты отрицаешь нашу огромную заслугу перед еврейским народом?

⁴⁴ Саддукеи – религиозно-философское движение Древней Иудеи, конкурировавшее с фарисеями. В социальном смысле саддукеи представляли собой элиту еврейского общества.

– Я не отрицаю, – кивнул Алтер. – Фарисеи, на самом деле, спасли наш народ от гибели. Но ведь это можно было сделать немного по-другому... Наш рабби Иисус принес более прямой путь. Вы боялись идти на конфликт с устаревшими обычаями и выбирали окольные дороги. Вы изобретали изощренные методы ограничений, боясь прямо бросить вызов невежеству. А почему? Потому что жизнь без конфликтов проще и комфортнее. И, если есть возможность сохранить имидж хорошего и законопослушного человека, зачем говорить правду о том, что какие-то вещи неправильны?

– А ты думаешь, что правильным является прямой вызов ценностям своих предков? – ужаснулся я. – Зачем говорить прямо, если есть возможность тактично и тонко исправить ситуацию, не вызывая ничье возмущение?

– Возмущение все равно будет, – прошептал Альтер. – Разве были саддукеи довольны вашим тактичным сопротивлением?

– Но они приняли его! И мы добились всего, что хотели! А что было бы, если бы мы просто отвергли обычаи своих отцов?

– Но наш учитель не ведает страха. Он не идет на компромиссы и всегда говорит правду. Он выгнал торговцев из храма.

– Твой учитель не знает, что такое смирение и такт! – разозлился я. – Откуда сыну плотника знать об этом?

– Отец, он исполнен истинного смирения, ибо учит подставить правую щеку, когда ударяют по левой, – возразил Алтер. – Но в вопросах, касающихся истины, наша тактичность и деликатность иногда превращаются просто в попустительство. Ведь если не сказать правду, то как люди научатся различать истину и ложь? Они так и будут блуждать во тьме невежества. Наш учитель смиренен во всем, что касается его самого, но бескомпромиссен во всем, что касается истины.

– О, особенно это смирение проявилось в том, что он объявил себя царем Израиля, – саркастично отметил я.

– Он сделал это для нас. Чтобы принести благо нашему народу.

– Вот что, сын, истинное благо нашему народу принесло учение фарисеев, – сурово сказал я. – Это фарисеи провозгласили миру высочайшую истину: «Закон для людей, а не люди для закона». Это наш святой рабби Гиллель одним предложением отразил истину всей Торы: «Что тебе не приятно, не делай ближнему». Разве не в этом высочайшая мудрость и истина? Наши учителя показали, что религия должна существовать во благо людям, а не во вред им. А что проповедует твой учитель?

– Что есть истина выше, чем материальное благо, – ответил Алтер. – Ошибка думать, будто религия существует, чтобы люди счастливо жили в этом мире. Вы считаете, отец, что за благочестивое поведение Бог должен наградить человека счастливой жизнью, богатством, детьми. Но это не так. Высшая цель религии – помочь людям вернуться в царство Отца нашего небесного. Наш рабби Иисус учит, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство Божие⁴⁵».

– Это бред какой-то! – закричал я, схватившись за голову. – Это безумное учение! Как можешь ты верить в такую ерунду? Бог дал нам эту жизнь для праведности и счастья. Какая глупость, что благочестивый человек не может быть богат! Бог наказывает бедностью и лишениями грешников, а праведников благословляет семьей и имуществом. Если праведный человек будет беден, то в чем разница между ним и грешником?

– Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и

⁴⁵ Библия (Мф. 19:24).

где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше⁴⁶, – ответил мой сын.

Я смотрел на него с ужасом и недоумением. Мне казалось, что этот шарлатан из Назарета просто околдовал его. Как можно вообще верить в такую глупость? И это мой разумный сын? Мальчик, ради которого я всю жизнь тяжело трудился?.. Все мои чаянья были связаны с мечтами о его благополучной, богатой, достойной жизни... Я столько пахал не покладая рук, радуясь, что мой сын сможет позволить себе спокойное, безбедное существование, что он будет учить народ Торе и преданию, что ему никогда не придется отвлекаться от писания из-за житейских трудностей... И вот этот самый сын так глупо и самонадеянно осмеивает то, ради чего я прожил свою жизнь.

– Ты глупец! – я уже начал терять над собой контроль. – Ты поверил в нелепые рассказы обманщика. Но скоро его мошенничеству придет конец. Завтра солдаты схватят его и поведут на суд. И там его накажут по заслугам!

– Что ты говоришь? – испуганно воскликнул Алтер. – Это правда?

– Еще какая!

– Я должен предупредить его, – пробормотал он и бросился к двери.

– Как бы не так! – разозлился я. – Неужели ты думаешь, я допущу, чтобы тебя, дурака, схватили вместе с ним?

Я позвал слуг, которые наготове стояли за дверью. Они быстро схватили вырывающегося Алтера и связали веревками.

– Заприте его в погребе. И пусть посидит там и одумается!

– Ты не понимаешь, что делаешь, отец! – взмолился мой сын. – Я должен предупредить его! Нельзя допустить, чтобы они схватили сына Божьего!

– Если он Его сын, то Бог предупредит его и без тебя, – отрезал я. – Не ты ли сказал сегодня, что Господь защищает того, кто идет путями Его? Не ты ли просил нас не волноваться? Так пусть Господь Сам позаботится о Своем сыне. А мой долг позаботиться о своем!

Мне было больно слышать жалобные крики Алтера. Рами украдкой смахивала слезы, когда его запирали. Но именно сейчас я должен был проявить твердость и ради его же блага посадить его под домашний арест.

– Отречешься от назаретянина – выпущу, – прокричал я. – А будешь упорствовать в своем заблуждении – так и сиди под замком.

– Не отрекись никогда! – упрямо твердил он. – Скорее от вас отрекись ради Отца нашего небесного. Ибо учил наш рабби: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня⁴⁷».

Слышать эти слова мне было нестерпимо больно. Я сел на скамью и опустил голову.

– Что может быть хуже неблагодарности? – горько прошептал я. – Сердце мое выжжено обидой, Рами! Как он оплатил нам за все добро, которое мы ему сделали? Отрекся от нас!

Рами закрыла лицо дрожащими руками.

– Тяжело наше испытание, мой господин, – ответила она. – Но завтра настанет час справедливости. И судьи накажут того, кто поднимает детей против родителей.

На следующий день мы узнали, что солдаты прокуратора схватили назаретского мошенника. Один из его же людей предал его, а остальные в страхе перед солдатами разбежались. Я благодарил Бога за то, что в этот опасный час удержал сына дома.

Суд синедриона был очень скор. После того как обманщик перед всеми назвал себя мессией, его приговорили к смертной казни. Окончательное решение было за прокуратором, но

⁴⁶ Библия (Мф. 6:19-21).

⁴⁷ Библия (Мф. 10:37, 38).

он без особого сопротивления согласился с первосвященником. Синедрион боялся, что многочисленные последователи преступника поднимут бунт и освободят его. Поэтому казнь была назначена на тот же день – пятницу.

Весть о казни бунтовщика, оскорблявшего священников и устои религии, быстро распространилась по городу. Вместе с Рами мы со злорадством отправились на место казни, торопясь увидеть смерть человека, обманувшего нашего ребенка.

ТЕРПЕНИЕ.

Толпы направлялись за город, чтобы полюбоваться на происходящее. Впрочем, по моим наблюдениям, люди испытывали разнообразные чувства. Кто-то, как и мы, с радостью торопился увидеть расправу над ненавистным возмутителем спокойствия. Кто-то выражал ему сочувствие. А кто-то откровенно горевал. Тем не менее никто не решался открыто выразить недовольство. Солдаты и охранники, плотным кольцом окружавшие место событий, внушали всем благоговейный трепет. Я радостно думал о том, что наконец-то будет положен конец обману. И злодей, нарушавший традиции, установленные предками, будет остановлен. Конечно, если бы он не сбил с толку моего родного сына, может быть, жажда мести не кипела бы во мне с такой силой. Как истинный фарисей, я не очень приветствовал смертную казнь и выступал за более гуманные наказания. Но заносчивое поведение самозванца возмутило меня до крайности.

Огромная толпа выстроилась с двух сторон от дороги, по которой его должны были повести к месту казни. Мы стояли почти у вершины Лобной горы и издали увидели, когда он появился.

Он шел, спотыкаясь и падая, и с трудом волочил за собой тяжелый крест. Я понял, что солдаты уже поиздевались над ним. Судя по шатающейся походке, его хорошенько отдубасили. На его голову какой-то шутник надел колючий венец, символизирующий его царское происхождение. Шипы терна раздирали кожу, и по лбу катились струи пота и крови, из-за которых я не мог хорошо рассмотреть черты его лица.

Стоило ему появиться, как толпа загудела.

– Спасал других, царь иудеев? – насмешливо кричали мои собратья. – Так, может, спасешь себя?

Кто-то весело улюлюкал. А кто-то злорадно выкрикивал:

– Ты обещал воздвигнуть храм за три дня, так яви же чудо! Спаси самого себя!

Увидев, что самозванец из Назарета приближается, я почувствовал, как закипела моя кровь. И вновь я пережил все свое горе, начавшееся с той самой минуты, когда я впервые узнал, что мой сын отверг учение предков и стал его последователем. Голос Алтера, отрекавшегося от любящих родителей, еще звучал в моих ушах. Я был жутко зол на этого падающего, окровавленного человека.

С презрением я вглядывался в его лицо. К моему удивлению, несмотря на жалкое состояние, он выглядел благородно. Хотя его походка была нетвердой, и он сгибался под тяжестью креста, все же от него исходила странная сила, притягивавшая к нему взгляды, как магнит.

В отличие от меня, Рами всегда была эмоциональной и не умела сдерживать своих чувств. Стоило ей увидеть человека, отнявшего у нее сына, как она начала кричать, осыпая его проклятиями. Когда он приблизился, она вытянула шею и подобно остальным смачно плюнула в его сторону. Ее плевков попал на его залитую кровью руку, и он поднял на нее свой взгляд. Я пристально наблюдал за ним. И меня поразило, что в эту секунду его бездонные черные глаза озарились, словно он узнал ее. Его взгляд с добротой скользнул по ее локтям и ногам, словно он радовался, что она смогла добраться до этого места. В его взгляде из-под слипшихся от крови волос было столько любви и сострадания, что я изумился. Тело Рами, плотно прижатой ко мне толпой, сильно задрожало. Она оперлась на меня рукой. Проклятье застыло на ее губах. Человек из Назарета споткнулся и пошел дальше под неистовые крики толпы.

Пальцы Рами больно впились мне в запястье, и я, очнувшись, посмотрел на нее.

– Он узнал меня, – медленно прошептала Рами.

В ее глазах стояли ужас и раскаяние. В эту минуту мы почувствовали странную перемену в своих сердцах. Большинство улюлюкавших и насмехавшихся над ним, были те, которых, как и Рами, он исцелил. Тогда почему же на его бледном лице нет и тени гнева или ненависти за эту очевидную черную неблагодарность? Я ожидал увидеть его гордым и надменным или злобным и испуганным. Но этот полный внутренней силы, любви и сострадания взгляд... Словно, не он, поруганный и замученный, идет на казнь, а мы испытываем нечеловеческие страдания.

В моем сердце началась борьба. Один голос внутри него – голос оскорбленного отца и фарисея – с гневом кричал: «Поделом ему!». Но другой голос тихо вопрошал: «Может ли преступник вести себя так странно? Возможно, он и в самом деле праведный человек?»

Чтобы разобраться в этом, я, расталкивая толпу, двинулся следом за назаретянином. Я хотел посмотреть, что же будет дальше. Рами, вцепившись в мою одежду, проталкивалась следом. В какую-то минуту она сквозь шум прокричала мне в ухо:

– А что, если он пророк? Что, если Господь спасет его и покарает нас?

Я ничего не ответил, продолжая проталкиваться дальше.

Наконец назаретянин добрался до вершины горы. Солдаты сняли с него крест и вбили его в землю. Солнце стояло высоко, ярко освещая все подробности этой сцены. Задумавшись над словами жены, я осторожно отступил назад. А вдруг и в самом деле произойдет чудо, и Господь спасет его от гибели?

Но ничего не произошло. Установив крест, солдаты подняли и подвязали назаретянина. Один из них раскрыл его ладонь и начал вбивать в нее гвоздь. Лицо назаретянина исказила гримаса страдания. Кровь струями лилась из его рук, а тело корчилось от боли. Несмотря на всю тяжесть происходящего, я почувствовал некое спокойствие. Раз небо не разверзлось и оттуда не раздался грозный голос, значит, назаретянин вправду был преступником, заслужившим наказание. Мне стало легче.

Но в ту минуту, когда я начал расслабляться, назаретянин открыл залитые кровью глаза и обвел нас всех блуждающим взглядом. Усилием воли он открыл рот. Я подумал, что сейчас, испытывая нестерпимую боль, он проклянет всех тех, кто такой неблагодарностью ответил на его исцеления и чудеса.

Однако слова, которые слетели с его губ, заставили меня содрогнуться.

– О Отец! – взмолился он. – Прости их! Они не ведают, что творят⁴⁸...

Все были ошеломлены. Никто не ожидал, что агонизирующий преступник, которому надлежало сутками истекать кровью, испытывая нечеловеческие мучения, станет молиться за наше благополучие. Мое сердце в страхе сжалось. А Рами истерично захохотала. Ее смех перешел в крик, который слился с рокотом загудевшей толпы. Люди кричали и улюлюкали. Кто-то с ненавистью осыпал его проклятиями, не в силах вынести этой насмешки судьбы. Кто-то бился в рыданиях. Некоторые женщины теряли сознание. Среди всех этих криков, воплей, рыданий и смеха я стоял, ощущая в своем сердце нарастающую пустоту. Мой разум взрывался, не в состоянии переварить этот урок. Сколько дней я злился на неблагодарность сына, осмелившегося пойти против меня. Так как же этот человек не гневается на тысячи людей, которых он спасал от смерти и болезней и которые сейчас радовались его мучительной смерти? Почему он не гневался на них за их неблагодарность? Мне было трудно простить сына за то, что он просто на словах отрекся от меня...

Внезапно небо потемнело, хотя была самая середина дня. Жуткая темнота, опустившаяся на землю, вселила в наши сердца ужас. Многие попытались двинуться назад в сторону города. Я думал, что благодаря этому знамению, первосвященник Каифа отдаст приказ отме-

⁴⁸ Библия (Лк.23:34).

нить казнь. Но никакой реакции не последовало. Солдат было не так легко запугать, а священники слишком ненавидели назаретянина, чтобы изменить свое решение.

Рами дрожала всем телом, не в силах смотреть на страдания назаретянина. Я попытался выбраться из толпы и вернуться домой, но это было уже невозможно. В удушливом ожидании пролетело несколько часов, во время которых я иногда поднимал глаза на корчащуюся фигуру распятого человека, а потом испуганно отводил глаза. Я слышал, как он успел обменяться словами со своими последователями, поручая кому-то из них свою мать. А также сказал что-то преступникам, распятым на соседних крестах. Его мучения на кресте усугублялись с каждым часом. Наконец в горьком отчаянии он издал крик:

– Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?⁴⁹

Этот крик был единственным человеческим проявлением во всем его странном поведении. Услышав его, священнослужители, стоявшие рядом, радостно закивали. До этой минуты их смущало терпеливое поведение преступника. Но этот крик показал им, что их цель достигнута: он на самом деле нес расплату за свой бунт.

Через некоторое время назаретянин попросил пить. Вместе с льющейся кровью его организм терял жидкость, и, должно быть, он ощущал нестерпимую жажду. Один из солдат коснулся влажной губкой его рта.

После этого назаретянин воскликнул:

– Свершилось... Отец мой, в руки Твои предаю Дух мой⁵⁰.

Его тело неподвижно повисло на кресте. В эту минуту почва покачнулась у нас под ногами, и я понял, что началось землетрясение. Толпа испуганно хлынула назад. Кто падал на землю, тот уже не поднимался, поскольку бегущие сметали всех, не способных устоять на ногах. Я крепко схватил руку своей жены и, расталкивая людей локтями, потащил ее вперед. В этот страшный час, когда земля с грохотом тряслась под нашими ногами, я как никогда молился Богу о спасении.

К счастью, через некоторое время землетрясение прекратилось, и мы благополучно добрались до дома.

Первым делом я приказал выпустить из погреба Алтера. Я не мог смотреть в его сторону, а он отчаянно заглядывал мне в глаза.

– Как наш рабби? Где он? – спрашивал он меня. – Что с ним?

– Он умер, – со слезами ответила Рами за меня.

– Как умер? – не поверил своим ушам он. – Не может быть! Как умер?

– Солдаты казнили его на Лобной горе, – ответила Рами. – Но он умер как святой. Он молился Господу о нашем прощении.

Мой сын обхватил голову руками и заплакал во весь голос. Он долго не мог остановиться, но наконец с трудом произнес:

– Даже в смерти он учил нас не словом, а делом. Как заповедовал нам «любите врагов ваших», так и сам сделал. О отец, как же я несчастен, что не мог быть с ним рядом! Позволь же мне теперь пойти попрощаться с ним.

Он выскочил из дома, и мы не стали останавливать его. В моем сердце происходил переворот. Всю свою жизнь я считал себя добрым и мягкосердечным человеком. Я считал, что в полной мере развил в себе милосердие и терпение. Но сегодняшний день показал мне, как ограничена моя добродетель и как по-настоящему безгранично сердце истинного представителя Господа. Он научил меня тому, что истинный слуга Бога не ожидает благодарности и отвечает любовью даже тому, кто причиняет ему великие страдания.

⁴⁹ Библия (Мф. 27:46).

⁵⁰ Библия (Лк. 23,46).

Бездонная глубина этой любви, исходящей из сердца Бога и отраженной Его посланником, в миг уничтожила все мои самодовольные представления о себе. Я понял, как нелепо мне было воображать себя учителем и пытаться учить людей религии.

Растерянно я взирал в небеса и вопрошал невидимого покровителя народа Израиля. Неужели мы совершили роковую ошибку, подняв руку на самого Машиаха? Но ведь я был искренне уверен, что защищаю священный Завет моих предков с Господом... Всю свою жизнь я старательно избегал греха, неужели теперь по ошибке я совершил его? Какое будущее ждет меня?

Глава 5. ВЕРООТСТУПНИЦА. ПРИМЕР ПОСЛЕДНЕГО ПРОРОКА

**Мекка.
622 год.**

Семейный конфликт.

Испепеляющие лучи летнего солнца сжигали все вокруг. В это время мало кто решался появляться на песчанах – лишенных растительности улицах Священной Мекки. Из-за стен нас обжигало знойное дыхание пустыни, окружавшей город. Если бы не нужда, я бы ни за что не рискнула выйти в это время из дома, когда растрескавшаяся земля напоминала раскаленную сковородку, а мокрая одежда высыхала в тени за несколько минут. Но только это время, когда улицы становились безлюдны, было почти безопасным для передвижения тех, кто принял новую веру и навлек на себя гнев всего города.

Я, осторожно озираясь, возвращалась домой, неся с рынка корзину фиников. Мне нужно было чем-то накормить своего двухлетнего ребенка, и потому я, не колеблясь, шла в наш восточный квартал несмотря на опасность таких прогулок.

По дороге меня одолевали мрачные мысли. Мой отец, принадлежавший к курейшитской знати, сам выдал меня за мекканца из рода Хашим. А когда, как и многие хашимиты, мой муж принял новую веру, отвергнув многобожие, отец разгневался на него и потребовал моего развода. Он разгневался и на меня, узнав, что я последовала за мужем и поверила новому *Наби*⁵¹ – хашимиту Мухаммеду.

– Как ты могла предать веру своих предков и поверить одержимому человеку?! – кричал он на меня, в ярости размахивая руками. – Всякий, кто родился в Священной Мекке, должен строго следовать обычаям рода и поклоняться нашим богам! Мухаммеда одолели джинны. Они заставили его оскорблять наших богов. Но как ты могла совершить это ужасное предательство? Неужели ты не боишься кары великих Хубала и Манат? Как я теперь буду смотреть в глаза почтенным членам нашего благородного рода, когда моя дочь приняла религию безродных бедняков?!

– О отец, – пыталась объяснить ему я. – Наш Наби говорит истину. Аллах превыше всех сотворенных существ и мы должны поклоняться только Ему одному.

– Это глупости! – раздражался еще больше отец. – Или ты откажешься от этой чепухи, или я уведу тебя домой и брошу в высохший колодец! И ты будешь сидеть там, пока не оумамешься!

Отец схватил меня за руку и хотел увести с собой, но, к счастью, появились хашимиты и не позволили ему забрать жену своего родича. Разъяренный отец ушел, осыпая нас проклятиями.

Вспоминая события того времени, я тяжело вздыхала и задавалась вопросом, почему моя судьба сложилась так печально? Почему я вынуждена терпеть эту боль: осуждение и непонимание отца и матери, их проклятия? Почему Аллах послал мне эти испытания? Теперь я разрываюсь между верой в нового пророка и любовью к родным!

Конечно, в этом положении оказалась не только я одна. Все последователи Наби и даже он сам были изгнаны из своего клана и терпели суровые лишения, насмешки и проклятия. Еле как мусульмане пережили три года блокады, когда курейшиты пытались измором сломить волю Мухаммеда и его уммы, лишив их пищи и воды. В то время мы еще не приняли ислам.

⁵¹ Наби – пророк.

Вместе с мужем мы присоединились к нему позже, когда экономический бойкот был отменен и хитрые курейшиты добились изгнания Наби из его рода. С тех пор он и его умма остались без покровительства. Любой язычник имел право причинить какой угодно вред мусульманам. Тех последователей Пророка, которые происходили из бедных племен, попросту могли убить. А остальных подвергали гонениям и унижениям. Именно в этот период мой муж начал общаться с одним из мусульман и тайком посетил собрание Мухаммеда. Он давно любил Пророка за его несокрушимую правдивость и честность в торговых операциях и сочувствовал ему во времена бойкота. Но в тот день, прослушав удивительные слова Откровения, он уверовал, что Аллах на самом деле избрал Мухаммеда своим посланником, и встал на путь единобожия. Мне тоже понравилось учение Наби о едином Боге и я, не долго колеблясь, последовала за мужем.

Я надеялась, что истинная вера принесет счастье нам и нашему любимому сыну, жизнь которого была для меня дороже всего.

После этого мне пришлось пережить разрыв с семьей. Когда наша жизнь из-за недовольства родственников стала совсем невыносимой, мой муж Рамиз отправился поторговать с кочевыми бедуинами, чтобы немного заработать нам на жизнь. На прощанье он попросил меня стойко переносить трудности и заслужить милость Всевышнего своей верой и преданностью.

Пока он отсутствовал, я была вынуждена сама заботиться о нашем ребенке и ходила на рынок, оставив его дома. В былые времена я могла бы рассчитывать на защиту родственников мужа или отца. Но религиозный конфликт отрезал меня от помощи рода, и мне оставалось уповать лишь на Всемогущего Аллаха.

Вздыхая о трудностях жизни, которые мне надлежало стоически пережить, я быстро бежала к нашему кварталу. В эту минуту трое неизвестно откуда взявшихся мужчин вышли на дорогу и перерезали мне путь. Их суровые, заросшие бородами лица, были мне знакомы.

– А! Вот и еще одна предательница рода! – с холодной ухмылкой сказал один, вытаскивая кинжал и поднося его к моему лицу. – Скажи, ты и вправду отвергаешь богов Хубала, аль-Лат и аль-Люзу?

Почувствовав холодное прикосновение стали к своему подбородку, я содрогнулась и сделала шаг назад, надеясь убежать. Но другой курейшит с мечом в руке преградил мне путь к отступлению.

– Куда собралась? – гневно закричал он. – Стой и отвечай на наши вопросы! Ты последовательница одержимого самозванца?

Оказавшись в ловушке и поняв, что мне негде искать спасения, я почувствовала, как ужас пробирает меня до костей и заставляет трястись всем телом. В эту минуту мне стало ясно, что смерть стоит передо мной как никогда близко. Эти воротилы зарежут меня, стоит мне только признаться в своей вере. И что же будет тогда?!

Все мои мысли устремились к моему маленькому сыну, и решимость стойко следовать избранному пути пошла на убыль. Я испуганно переводила взгляд со сверкавшего на солнце острия ножа на суровое лицо курейшита. Мысли лихорадочно носились в голове.

Могу ли я предать свою веру и отказаться от Всемогущего Аллаха, чтобы спасти свою жизнь? Что бы ответил мой муж на этот вопрос? Но, если я не сделаю этого, что будет с моим сыном? Если меня убьют сейчас, кто будет заботиться о маленьком мальчике, ради которого я совершала каждый свой вздох? Сможет ли он выжить без меня в этом мире? Кто будет кормить и одевать его?

Я вспоминала его доверчивый взгляд и счастливую улыбку, когда он радостно забирался мне на колени... В этом возрасте для него моя любовь – самая важная ценность на свете. Что будет с ним, если я не вернусь сегодня домой?

Представив себе его глаза, я почувствовала, как мое сердце сжалось от невыносимой боли. Слезы ручьем хлынули из глаз. Мне было совершенно все равно, что будет со мной, но я не могла вынести мысли о предстоящих страданиях своего ребенка.

«О Всевышний Аллах! – с отчаянием взмолилась я. – Помоги мне! Спаси меня! Позволь мне пожить столько, сколько я еще буду нужна моему сыну! Дай мне еще хотя бы несколько лет, до тех пор, пока он сможет обходиться без меня!»

Воззвав к Нему, я почувствовала, как лихорадочный страх начинает отступать, и ко мне возвращается способность мыслить.

– О почтенные господа, – обратилась я к курейшитам, все еще заикаясь. – Вы члены благороднейшего клана арабов. Скажите, как должна действовать жена по отношению к мужу в согласии с традициями наших предков?

– Жена должна во всем подчиняться своему господину, – сурово сказал тот, что стоял сзади.

– Тогда согрешила ли я, последовав за мужем? Должна ли я была взбунтоваться и пойти против него?

Курейшиты переглянулись и опустили оружие.

– Это дочь почтенного аль-Рашида, – сказал один из них, указывая на меня.

– Твои родители принадлежат к благородному клану, – сурово сказал мне первый. – Мы не тронем тебя сегодня. Но ты должна приложить все усилия, чтобы твой муж и ты отреклись от своих заблуждений. Возвращайся домой и помни: в следующий раз пошады не будет!

Я бежала, не чувствуя своих ног. Сердце бешено колотилось в груди. Влетев домой, я увидела, как мой сын мирно спит в кровати, улыбаясь во сне. Я присела рядом с ним и стала жадно вглядываться в его пухленькое нежное личико. Слезы снова ручьями покатились из моих глаз.

Предупреждение было слишком ясным и недвусмысленным. Моя жизнь висела на волоске, и каждый день, проведенный с моим ребенком, мог быть последним. Я взяла его на руки и прижала к себе. Ощувив его сладкий молочный запах, я поняла, что не готова расстаться с ним даже ради радостей рая. Материнская любовь с неистовой силой опутывала мое сердце и лишала мужества.

В эту минуту с улицы донесся шум. В дверь постучали. Все еще дрожа от страха, я посмотрела в замочную скважину и увидела за дверью своего мужа.

Какое счастье, что Всемогущий Аллах, вняв моей молитве, пожалел меня и вернул его в этот сложный час!

Даже не спросив о том, какой была его поездка, я сразу же рассказала о страшном нападении.

Рамиз, нахмурившись, сел на край кровати и отпил воды. Взглянув в мое бледное от горя лицо, он постарался меня утешить:

– Не беспокойся, на все воля Аллаха. Если он спас тебя сегодня, то защитит и завтра.

– Но, мой господин, они сказали, что отпустили меня только на этот раз! Если мы не отречемся от своей веры, в другое время они накажут нас смертью!

– Не забывай, что жизнь каждого в руках Всевышнего, а Он защищает Своих слуг.

– Всегда ли? – усомнилась я. – Вспомните, господин, мусульманина, которого закидали камнями не так давно. А сколько погибло от голода в дни бойкота...

– Те, кто погибли за веру, обрели награду на небесах.

– Но меня это совсем не утешает! – залилась слезами я. – Я не могу с чистым сердцем отправиться на небеса. Я должна выполнить свой долг перед ребенком! Я должна помочь ему вырасти правильным мусульманином!

– Глупая женщина, если Всемогущий Аллах помог познать истину тебе, то неужели он не поможет нашему сыну даже в наше отсутствие?

– Может, и поможет. Но... если с ним что-нибудь случится? Я не могу вынести мысль о его страданиях!

– Вспомни, как стойко наш Пророк пережил гибель всех своих сыновей. Разве ему не хотелось увидеть их отрочество? Но разве он отверг Аллаха и возроптал против Него?

Я поняла, что муж совершенно не разделяет моих страхов. Смерть не страшила его. Поняв, что сетовать бесполезно, я отправилась готовить обед. Мой ум разрывался от терзавших его противоречий. Я думала о том, что если бы была мужчиной, как Рамиз, то, возможно, мне бы хватило мужества не паниковать в этой ситуации. Но, будучи слабой женщиной, я не могла сопротивляться своей материнской любви...

В конце концов я пришла к выводу о том, что мне не остается ничего иного, кроме как просить защиты у отца. Он был уважаемым всеми человеком, и, может быть, по его заступничеству курейшиты оставят нас в покое? Тайком от мужа я отправилась к дому отца.

С тех пор как он в гневе покинул нашу лачугу, прошло уже два года. Конечно, он примет меня совсем нерадостно и, возможно, даже не пустит на порог. Но ради сына я должна была попытаться.

Гонимая страхом, я осторожно добралась до дома отца, находившегося в западном квартале города, и постучала. Мне открыл мой маленький племянник Хасан, который, не узнав меня, позвал старших. Я так долго боялась этой встречи, но сейчас, увидев родное лицо отца, его сильно поседевшую голову, почувствовала необычную радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.